

ЛУЧШЕЕ ВСЕГДА С НАМИ

ПОЛИНА
ДАШКОВА

ВЕЧНАЯ НОЧЬ

Лучшее всегда с нами

Полина Дашкова

Вечная ночь

«АСТ»

2006

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дашкова П. В.

Вечная ночь / П. В. Дашкова — «АСТ», 2006 — (Лучшее всегда с нами)

Убита дочь известного эстрадного певца, пятнадцатилетняя Женя Качалова. Что это – месть? Деньги? Конкуренция? Или спасение ангела, как считает сам убийца? Поисками маньяка-философа занимаются следователь Соловьев и его бывшая одноклассница – судебный психиатр доктор Филиппова.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дашкова П. В., 2006
© АСТ, 2006

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Глава шестая	45
Глава седьмая	54
Глава восьмая	60
Глава девятая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Полина Дашкова

Вечная ночь

© П. В. Дашкова

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

Ф. И. Тютчев

Глава первая

– Вам хочется стать маленькой девочкой, хочется, чтобы кто-то погладил по голове, почесал за ушком, поправил одеяло, почитал сказку, непременно страшную. Вы любили в детстве страшные сказки? А помните, в пионерском лагере ночами, в темной палате, истории про черное пятно, красный рояль? Из рояля вылезла мертвая рука, сначала задушила дедушку, потом бабушку, потом маму, папу. И наконец, дочку. Вы представляли себя этой самой дочкой. У вас замирало сердце в ожидании ледяной руки, которая тянется к горлу. На острых суставах налет влажной голубоватой плесени. Пальцы, длинные и гибкие, как черви. Железные когти, едва уловимый аромат тления. Ну, доктор, что же вы молчите?

Доктор Филиппова Ольга Юрьевна шла по темному пустому переулку, и в голове у нее звучал хриплый баритон. Она не могла заставить его заткнуться и пыталась верить, будто нарочно вспоминает во всех подробностях беседу с одним из своих пациентов. Он всего лишь пациент, не более. Один из сотен несчастных, которых ей пришлось лечить за пятнадцать лет работы.

– Психиатрия не лечит, вы же знаете. Максимум, на что способна эта ваша наука, – сделать из человека животное, из животного – растение. Овощ. Вы хотите стать овощем, Ольга Юрьевна? Нет. И я тоже – нет. Так что, пожалуйста, не надо пичкать меня никакой психотропной отравой. Я не буду буяннить, честное пионерское. Кстати, вы ведь тоже были пионеркой? Галстук гладили каждое утро. Его надо было намочить, отжать. Помните запах мокрой горячей ткани, которая шипит под утюгом, и гнусный голос по радио: «Доброе утро, ребята! В эфире „Пионерская зорька!“ Сейчас точно такие же голоса щебечут рекламу в метро. У меня от этого бодрого щебета воспаляются барабанные перепонки и рвотные массы подступают к горлу. А у вас?

Ольга Юрьевна подняла капюшон меховой куртки, спрятала лицо в высокий ворот свитера. Еще пару дней назад солнце было теплым, по утрам пели птицы, почки набухли, и казалось – все, конец зиме. Вместо надоевшей куртки – легкое светлое пальто, вместо толстого шарфа – шелковый платок. Но вдруг случилась гроза, черная туча обрушила на город колючую ледяную крупу. К ночи прояснилось, ударил мороз. Опять тяжелая куртка, свитер.

Апрельские заморозки похожи на предательство. Во всяком случае, по отношению к доктору Филипповой это точно предательство. Позавчера она отогнала в автосервис свой старенький «жигуль»-шестерку, и теперь надо пилить пешком от метро, поскольку она не может себе позволить выложить сто пятьдесят рублей на такси.

Ветер сдувал капюшон, приходилось придерживать его рукой. Ольга Юрьевна забыла надеть шапку и перчатки, рука заледенела, пальцы ныли и не разгибались.

Вокруг не было ни души. Центр Москвы, начало первого ночи. Арктический циклон загнал домой всех, даже бомжей и собачников, даже тусовочную бульварную молодежь. Ольга Юрьевна пошла быстрее, побежала. Шпильки ее сапог звонко цокали по чистому асфальту. От стужи он казался стеклянным. Льда и грязи уже не было. Все смыли теплые мартовские дожди, и доктор Филиппова решила надеть свои новые сапоги, белые, на шнуровке, на тонких высоких каблуках и с модными круглыми носами.

– Вы в детстве занимались фигурным катанием? Ваши сапоги похожи на ботинки фигурных коньков. Скажите, у вас получался «пистолетик»? А «ласточка»? Любопытно, как высоко вы могли задрать ножку? Кстати, вы знаете, к белой обуви обязательно полагается белая сумочка. Колготки должны быть максимально светлыми. На два тона светлее, чем у вас, и почти прозрачные. Правда, на загорелых ногах это смотрится не слишком красиво. Но сейчас весна, в отпуск вы еще не ездили, солярий не посещаете. У вас белая и очень чувствительная кожа. Если слегка надавить пальцами или провести линию острым предметом, останется красный

след. А ноги у вас красивые. Вам это кто-нибудь говорил? Вы напрасно не носите коротких юбок. Думаете, уже не по возрасту? Не по чину? Ошибаетесь. Вы не выглядите на свой возраст и вовсе не похожи на доктора наук. Хотите скажу, на кого вы похожи?

Доктор Филиппова свернула во двор. Не стоило ходить через темный проходняк, мимо бомжовских домов, но этот путь был короче на сотню метров. Мысль о горячей ванне оказалась первой собственной ее мыслью, которая пробилась сквозь поток чужого монолога.

Ванная была единственным местом, где доктор Филиппова могла побыть в одиночестве. Ее семейство, муж и двое детей, ютилось в малогабаритной двухкомнатной квартире. Дети ложились поздно. Муж еще позже. Все рано вставали, но дня никому не хватало. Когда Ольга Юрьевна возвращалась с работы, ее ожидало бурное общение со всеми сразу и с каждым в отдельности.

Муж, Александр Осипович, старший научный сотрудник отдела рукописей НИИ древних искусств, имел привычку каждый вечер делиться с женой подробностями прожитого дня. Это передалось по наследству детям, двенадцатилетним близнецам Андрюше и Кате. Они говорили хором. Они учились в одном классе, и одни и те же события производили на них противоположное впечатление. То, что Кате казалось кошмаром, у Андрюши вызывало гомерический смех. Дочь испуганно тарасила глаза, прижимала ладонь ко рту, сын хватался за живот, сгибался пополам, притворяясь, что сейчас лопнет от хохота.

– Вы похожи на маленькую девочку, которая нарисовала себе тени под глазами и сделала строгое лицо, чтобы ее пропустили в какое-нибудь взрослое заведение. В секс-шоп. В ночной клуб с мужским стриптизом. Или куда-то еще круче. Знаете, сейчас огромный выбор всяких развлекательных заведений, где можно расслабиться, оттянуться. Но вы добропорядочная мать семейства. Вы никогда ничего подобного себе не позволите. Признайтесь, вас давно тошнит от вашей добропорядочности, вам хочется, чтобы муж и дети исчезли. Нет, не навсегда, на некоторое время. Вам стыдно и страшно от таких черных мыслей. Вы себя не одобряете. Вы перестаете себе доверять. Вы даже боитесь себя. Между прочим, по статистике, врачи чаще всего страдают именно теми недугами, от которых пытаются лечить. У онкологов бывает рак, психиатры сходят с ума. Интересно, а чем чаще всего болеют мужчины-гинекологи? О, я вам скажу! Они становятся либо импотентами, либо сексуальными маньяками. Впрочем, одно другому не мешает.

Ольга Юрьевна вдруг отчетливо вспомнила, как после этой реплики отметила про себя: «Ниже пояса». Она почти не сомневалась, что рано или поздно его монолог сползет к чему-нибудь в этом роде – гинекология, импотенция, сексуальные маньяки. Она еще ничего не знала о новом больном, но после первых десяти минут беседы стала подозревать, что он не тот, за кого себя выдает. Нет у него никакой амнезии, и реактивный психоз, с которым он поступил в клинику, грамотно, умело симулирован. В карточке она написала «установочное поведение», но поставила большой знак вопроса. Скорее это была сюр-симуляция. Сквозь ватные слои притворства остро просвечивал малиновый огонек подлинного безумия.

– Я о себе ничего не помню, вопросы задавать бесполезно, – заявил он, – я не могу избавиться от наплыва мыслей, но все они не имеют ко мне никакого отношения. Я думаю о вас, доктор. Вот этим я могу с вами поделиться, если желаете.

В проходняке не горело ни единого фонаря. Их били, выкручивали лампочки. Ольга Юрьевна могла пройти по этому двору с закрытыми глазами. Сейчас здесь был абсолютный мрак, словно она правда закрыла глаза. Ветер выл так выразительно, что казалось, вот-вот удастся разобрать в звуковом потоке отдельные осмысленные слова.

В узкую арку старого дома выходило одно окошко. Его лет сто не мыли. Сквозь слои грязи пробивался свет, такой слабый, что даже не отбрасывал блика на противоположную стену. Доктор Филиппова знала, что за этим окном маленькая комната, в которой нет ничего, кроме вонючих матрасов и облупленной табуретки. На полу валяются тряпки, газеты. На матрасах

под тряпками спят дети, мальчик и девочка. Мальчику сейчас должно быть около четырех. Девочка совсем кроха, года два, не больше. У них есть мать, отцы меняются ежемесячно.

В прошлом году, ранней осенью, Ольга Юрьевна возвращалась с работы вот так же, пешком, в первом часу ночи, и пошла через проходняк. В арке ее окликнул детский голос:

– Тетя, проводи нас, пожалуйста, домой.

Она не сразу сумела разглядеть их, сидящих у стены, прямо на асфальте. Достала из сумки зажигалку, осветила.

– На лестнице темно, нам страшно.

Говорил мальчик. Девочка молчала и улыбалась. Она была такая маленькая, что казалось странным – как она может идти самостоятельно.

– Мама там во дворе с дядьками, они все пьяные, а мы спать хотим, – объяснил мальчик, – вот наш подъезд, четвертый этаж.

– Сколько тебе лет? – спросила Ольга Юрьевна.

– Три с половиной. Меня зовут Петюня. А ее Людка. Ей год и четыре месяца.

– Может, все-таки лучше отвести вас к маме?

За аркой, в укромном грязном дворике, раздавались пьяные голоса, смех.

– Не надо. Мы спать хотим. – Мальчик вцепился в ее руку.

Ольга Юрьевна впервые вошла в подъезд, который все добропорядочные жильцы окрестных домов старались обходить стороной. Вонь, мрак, холод. Ее подъезд тоже не отличался чистотой и свежестью ароматов, но был светлым, вполне жилым и нестрашным.

Газа в зажигалке осталось мало. Огонек дрожал, дергался, ничего не освещал.

– Вот здесь ступенька сломана, – предупредил Петюня.

– В квартире есть кто-нибудь? – шепотом спросила Ольга Юрьевна.

– Никого. Как раз хорошо, мы хоть поспим, пока они гуляют.

Непонятно, кто кого довел до четвертого этажа. Ольга Юрьевна боялась, что сейчас случится какая-нибудь гадость. Откроется дверь. Вылезет, как покойник из гроба, жилец одной из квартир.

– Тетя, вот мы пришли. Ты только зажги свет, я не достаю до выключателя.

Ольга Юрьевна увидела кухню, вернее, полуразложившийся труп кухни. Ошметки почерневшей клеенки, затвердевшие слои грязи. Огромный мешок из пузырчатого пластика, набитый пустыми бутылками. Комната детей выглядела не многим лучше. Красный пластмассовый грузовик был единственным нормальным предметом в этом отхожем месте.

– Все, тетя, ты можешь идти.

Она ушла, не оглядываясь, умчалась по лестнице, почти не касаясь разбитых ступеней.

«Интересно, в этом доме топят? Как они прожили зиму?» – подумала Ольга Юрьевна, взглянув на одинокое окошко. На миг ей показалось, что там, за мутным стеклом, что-то темнеет. Она даже почувствовала взгляд. Может, кто-то из детей, Петюня или Люда, смотрят в окно?

Зачем смотреть, если ничего, кроме глухой стены, не видно?

Ольга Юрьевна бегом миновала арку, нырнула в свой родной теплый подъезд и скормандовала себе: забыть! Прежде всего, забыть о болтливом больном, без имени и возраста. Потом о любимице отделения, кошке Дусе. Вечером она пропала, не пришла ужинать и на зов не откликнулась. Забыть о детях, живущих там, где жить нельзя, об их матери, наркоманке, проститутке, которой всего лишь восемнадцать лет.

– Вы, Ольга Юрьевна, слишком чувствительны для вашей профессии. Вот у вас тут в кабинете кошечка живет. Я слышал, ее зовут Дуся. Беленькая, ласковая. Случится с ней что-нибудь, вы плакать будете. О, я отлично представляю себе, как вы плачете. По-детски, без-утешно, трогательно. Мужчины обычно не выносят женских слез, а я люблю. Меня это здорово возбуждает.

Оказавшись дома, Ольга Юрьевна с облегчением обнаружила, что ее семья уже спит. Муж – на кухонном диване, перед включенным телевизором. Дети в своей комнате, разделенной книжными полками на две половины. Андрюша вырубился, сидя на полу, между столом и кроватью, в домашних рваных джинсах, в наушниках, из которых слышна нервическая пульсация рэпа. Только Катя потрудилась надеть пижаму и лечь в постель.

Ольга Юрьевна не стала никого будить, выключила телевизор и стереосистему, сняла куртку, сапоги, взяла телефон, босиком, на цыпочках, прошла в ванную, закрыла дверь и позвонила в отделение.

– Дуся нашлась?

– Нет. Шляется где-то, – сквозь долгий зевот ответила дежурная сестра Галя, – весна на дворе, вот она и загуляла. Кошка, понятное дело. Я ж говорю, надо ее кастрировать.

– А как этот новенький?

– Нормально. Спит.

– Проверь.

– Я говорю, тихо все, Ольга Юрьевна.

– Пожалуйста, загляни в палату. Я подожду у телефона.

– Да что проверить-то? Не сбежал ли?

«Правда, что за глупости? – одернула себя Ольга Юрьевна. – Куда он денется?»

Галя все-таки отправилась в палату. Ольга Юрьевна услышала, как стукнула о стол телефонная трубка, как зашаркали по истертому линолеуму тапки. В трубке звучали легкие щелчки, треск, похожий на хриплое бормотание. На миг доктору Филипповой стало не по себе наедине с живой тишиной в трубке. Она сидела на краю ванной. Из крана медленно капала вода. Узкое темное окно отражало все в размытых бело-розовых тонах. Скрипела и подрагивала форточка. Ветер, мрак, ледяная ночь – все это осталось там, снаружи. Доктор Филиппова была дома, в тепле и покое. Рядом спали муж и дети.

Она прикрыла глаза, чтобы не видеть в зеркале свое лицо. При ярком свете оно казалось серым, старым. В радужной мути под веками тут же проступило лицо неизвестного. Мужчина, от тридцати пяти до сорока лет. Рост 180 см, вес 73 кг, голова обрита наголо. Глаза маленькие, карие, лицо круглое. Нос прямой, приплюснутый. Рот большой. Губы пухлые, ярко-красные, блестящие, словно покрашенные. Кожа белая, слишком тонкая и нежная для мужчины. Под подбородком розовая сыпь, раздражение от бритвы. Никаких особых примет, которые помогли бы установить личность.

– Считайте, что перед вами труп. Личность без документов, без имени, без памяти, все равно что труп, верно? Вам придется заняться реанимацией, Ольга Юрьевна. Не совсем ваш профиль, но что же делать?

Прошла вечность, прежде чем дежурная сестра вернулась к телефону.

– Я ж говорю, спит он, Карусельщик хренов. И вам спокойной ночи.

Вчера утром сторож в Парке культуры обнаружил в кабинке колеса обозрения человека. Кабинка зависла в самой верхней точке. Электричество выключили. Человека забыли. Он просидел там всю ночь. Утром, когда включили колесо и спустили кабинку с несчастным на землю, он отказался вылезать. На вопросы не отвечал. Вцепился руками в ледяные железные поручни и бессмысленно смотрел перед собой.

Врач «скорой» поставил предварительный диагноз: психогенный ступор. Плюс, конечно, переохлаждение. Одет он был слишком легко для апрельских заморозков. Футболка, фланелевая рубашка, джинсовая куртка на тонкой подкладке. В карманах не нашли ничего, кроме двухсот рублей с мелочью, полупустой пачки сигарет «Мальборо-лайт» и дешевой одноразовой зажигалки. В отделении ему сразу дали прозвище Карусельщик, надо ведь как-то называть человека.

Заговорил он сегодня вечером, в кабинете доктора Филипповой. Это произошло спокойно и естественно. Знакомясь с новым больным, Ольга Юрьевна представилась и услышала в ответ: «Здравствуйте. Очень приятно».

* * *

Борис Александрович Родецкий открыл глаза и увидел, как шевелится черный кустарник, подсвеченный огнями редких машин. Косая тень ограды штриховала аллею, исчезала, опять возникала, вместе с ревом мотора и сполохами фар. В сквере было пусто и холодно. Он сидел на ледяной скамейке и так продрог, что стучали зубы. У него не было сил подняться, дойти до дома. Он боялся, что упадет по дороге. Лучше сидеть на скамейке, чем лежать на ледяном асфальте, ночью, в центре Москвы. Примут за пьяного или наркомана, никто не поможет подняться.

– Боренька, вставай, иди домой, ты простудишься!

Голос жены прошелестел чуть слышно и исчез, слился с порывом ледяного ветра. Ветер гнал по аллее прозрачный кусок целлофана.

Рядом играла музыка, звук то нарастал, то стихал, будто кто-то крутил регулятор громкости. За сквером, через дорогу, переливалось разноцветными огнями казино. Борис Александрович не видел, но знал, что там, на фасаде, жонглирует колодой карт клоун в колпаке. Нос у клоуна – большая красная лампочка, зубы – маленькие белые лампочки. Глаза – зеленые лампочки.

Казино открыли три года назад, в доме, где раньше был комбинат бытового обслуживания. На первом этаже прачечная и химчистка, на втором – ателье, художественная штопка и художественная фотография.

Однажды вечером клоун-картежник вспыхнул на отремонтированном фасаде. Борис Александрович возвращался из клиники, где умирала его жена. Он остановил машину у светофора на перекрестке, как раз напротив здания бывшего комбината, еще темного, но уже готового в ближайшие дни принять первых игроков. Клоун возник из темноты и повис в воздухе, под полукруглой светящейся надписью «Казино». Он перекидывал карты, подмигивал и смеялся.

В тот вечер Борис Александрович впервые осознал, что чуда не будет. Надя уходит. Даже мысленно не мог он произнести «умирает». В нем, пожилом разумном человеке, набухла детская обида, словно жена нарочно все это устроила. Уходит первая, оставляет его одного. Как он без нее? Никак! Он сидел за рулем своего «жигуленка» и плакал. Электрический клоун смотрел на него и смеялся.

Прошло три года. Как-то он все-таки жил, один, без Нади, и, в общем, привык. Знал, что скоро они встретятся. Смерти Борис Александрович больше не боялся. Умереть для него значило всего лишь уйти к Наде.

Но вот, оказывается, есть вещи страшнее смерти. Тоска, стыд. То, с чем нельзя уходить. Душа не сумеет отлететь, ее прижмет к земле тяжкий груз, ее начнет мотать над городским асфальтом, как бешеную мутную поземку.

Электрический клоун опять смеялся над Борисом Александровичем. Повернувшись лицом к ночному проспекту, он перекидывал карты. Отсюда его не было видно, только разноцветные отблески кроили ночной воздух. Клоун знал, что рядом, в сквере, сидит на лавочке одинокий старый дурак, заслуженный учитель России Родецкий Борис Александрович, сидит, мерзнет, мучается сердечной болью и сгорает от стыда, хотя сам не знает, в чем виноват. Бойтся идти домой, в свою пустую квартиру. Потеха! Столько лет прожил, столько учеников выучил, а сам ничему так и не научился. Теперь вот по уши в дерьме.

– Ты забыл, что нет ни одного доброго дела, которое осталось бы безнаказанным?

Губам стало щекотно. Борис Александрович говорил с самим собой. Он зажмурился, закрыл лицо руками, подышал на ледяные ладони. Если он просидит здесь еще несколько минут, уже никогда не сумеет подняться. Он умрет. Не уйдет к Наде, а именно умрет. Сдохнет, как несчастный бомж, как брошенная собака.

– Нет, Боренька! – Это опять был голос жены. – Не так, не здесь и не сейчас! Еще не время.

Наверное, Надя видела его и пыталась помочь. Музыка замолчала. Машины куда-то исчезли. Несколько секунд странной тишины, наполненной шорохами, вздохами, шепотом голых веток. Борис Александрович теперь был не один в сквере. Кто-то шел по аллее. Мягкие тяжелые шаги приближались. Старого учителя колотила дрожь, страх и озноб, все вместе. Он боялся повернуть голову, посмотреть, кто идет. Он даже глаза закрыл, сам не понимая, чего именно испугался. И вдруг рядом прозвучал голос:

– Вам плохо, молодой человек?

Над ним стояла женщина, его ровесница. Вязаная шапка, куртка, джинсы, большая хозяйственная сумка на плече. Борис Александрович слабо махнул рукой, отгоняя призрак, вовсе не похожий на его Надю. Крупная, широкоплечая женщина, с круглым лицом, с белыми кудряшками из-под шапки. На ногах кроссовки. Надя была невысокая, худая. Куртку, джинсы, кроссовки могла надеть только на дачу, в городе ходила в элегантном пальто, в шляпке и обязательно на каблуках.

– Вы меня слышите? – Женщина тронула его за плечо.

Она была живая, настоящая. От нее веяло теплом и силой.

– Нитроглицерину не найдется у вас? – спросил он, едва шевеля ссохшимися губами. Получилось нечетко, что-то вроде «нигилину», но она поняла.

– Сердце, да? Сейчас, сейчас. Есть. Я всегда с собой ношу, на всякий случай. Может, «скорую» вызвать? У меня мобильный.

– Не надо. Спасибо. – Он положил в рот две таблетки и даже не почувствовал приторной горечи. Боль в сердце приглушила все прочие чувства. Так страшно оно еще никогда не болело.

– Далеко живете? Вас проводить?

– Нет. Спасибо. Идите домой. Поздно уже. Холодно.

Говорил он с трудом, сквозь тяжелую одышку. Женщина никуда не ушла, присела рядом на скамейку.

– Случилось что-нибудь?

У нее был такой теплый, мягкий голос, такие живые сострадательные глаза, что Борису Александровичу вдруг захотелось рассказать ей все, от начала до конца. Больше не с кем было поделиться. Сил нет терпеть и молчать, держать все внутри. Но она не поймет. Так объяснить, чтобы поняла, он не сумеет. И в итоге вместо сочувствия будет страх, брезгливость. Она шарахнется от него, как от зачумленного. Включатся древние инстинкты. «Чур меня, чур!»

– Сердце прихватило, но сейчас уже легче. Спасибо. Все в порядке.

– То-то я вижу. Люди, у которых все в порядке, в такую поздноту, в такую холодину не сидят на лавочке в сквере.

Да, это она верно заметила.

– Я просто так присел. Вышел прогуляться перед сном, и прихватило сердце. Вы идите, вас, наверное, дома ждут.

– Подождут. Я вас не оставлю. А вдруг воры, грабители? Вон, вы одеты хорошо. Оберут до нитки, спасибо, если не зарежут. У нас сосед по даче, Никитич, как-то в прошлом году с дочкой поругался, вышел поздно вечером, подышать. И плохо стало, от переживаний. Сел на лавочку, сидел, сидел. Подошли двое, бумажник вытащили, а там все – паспорт, пенсионная книжка, денег триста рублей. Ну вставайте, держитесь за меня. Если вышли погулять перед сном, значит, живете недалеко. Я вас до дома провожу.

Она помогла ему подняться. Он объяснил, где живет. Идти было правда недалеко. Минут десять медленным шагом. Женщина по дороге рассказывала о своих двух сыновьях, невестках, внуках, о муже, который к старости, дурак несчастный, стал слишком часто выпивать. Борис Александрович молча слушал.

«Ну вот, есть еще что-то нормальное, живое, – думал он, едва переставляя ноги и пытаясь справиться с одышкой, – она помогает мне бескорыстно, по доброте душевной. Хороших людей много. Только кажется, будто весь мир озверел. Стоит столкнуться с настоящим злом, и сразу кажется – ничего нет, кроме него. Зло наглое, лезет в глаза, затмевает собой свет. Может, все-таки рассказать, поделиться с ней? Вдруг станет легче?»

Впрочем, он понимал: никому, никогда он не расскажет, что с ним произошло, почему он оказался поздно вечером на лавочке в пустом холодном сквере, из-за чего так сильно заболело сердце. Даже с Надей, если бы она была жива, он вряд ли решился бы поделиться этой тайной. А ей он рассказывал все.

– Дома есть кто-нибудь? – спросила женщина, когда дошли до его подъезда.

– Да, конечно, – соврал он, – спасибо вам.

– На здоровье. – Она кивнула, улыбнулась.

В тишине двора отчетливо зазвучали переливы колокольчика. Женщина охнула, достала из сумки телефон.

– Иду уже, иду, не кричи! Ты что, маленький? Сам разогреть не можешь? Все там есть в холодильнике, возьми сковородку, поставь на плиту.

Она еще раз кивнула Борису Александровичу и быстро пошла прочь, продолжая разговаривать по телефону. Ему стало жаль, что он не спросил, как ее зовут.

Глава вторая

Свидетель Краснощеков Олег Сергеевич, 1975 года рождения, был удивительно спокоен. Даже не верилось, что именно ему полчаса назад пришлось наткнуться в лесу на труп. Он не просто увидел, он упал, поскользнувшись в темноте. Сначала почувствовал под руками холодное, скользкое и только потом, посветив зажигалкой, разглядел, что это мертвая девочка.

Когда он давал показания, у него лишь слегка дрожали руки, он курил без конца, закуривал от окурка новую сигарету.

– Я остановился, чтобы отлить. Короче, вылез, ну и Кузя за мной. Он у меня вообще-то пес послушный, спокойный, а тут как с ума сошел. Рванул к лесу и лает, воеет. Я зову, он не идет. Слышу, заливается где-то совсем близко. Хорошо, у меня фонарик есть в машине. Короче, я пошел за Кузей, а грязно еще, блин, прошлогодний снег, слякоть. Я поскользнулся и упал прямо на нее, представляете! Даже не понимаю, как у меня разрыв сердца не случился. А Кузя мой, дурья башка, главное дело, ее вообще не унюхал. На ворону лаял. Охотник, блин!

Он говорил тихо, медленно. Подружка его, наоборот, билась в истерике. Они возвращались из гостей, с подмосковной дачи. У них было отличное настроение. В машине играла музыка. И вот, приспичило остановиться.

Девушку трясло. Когда приехала группа, она кричала, рыдала, потом сидела в фургоне «скорой» и тихо, монотонно повторяла:

– Ой, мамочки, ой, мамочки!

Ей дали успокоительное.

Что касается Кузи, он как будто пытался осмыслить происшедшее. Стоял рядом с хозяином, понурый, задумчивый, только иногда вздыхал и помахивал хвостом. У следователя Соловьева был точно такой же пес, темно-шоколадный американский водяной спаниель Ганя. Гладкая морда, длинные лохматые уши. Завитки шерсти похожи на дикую прическу «дреды», когда волосы пропитывают каким-то липким раствором и скатывают в косицы-шнурки. Именно такие косицы разметались по ледяной прошлогодней траве вокруг головы убитой девочки.

– Нет, я ничего не трогал, конечно, сразу позвонил «02». Но я на нее свалился в темноте. Не знаю, может, какие-то следы испортил. – Свидетель закурил очередную сигарету. – Блин, она же совсем кроха, ребенок, лет двенадцать, не больше! Она мне теперь будет снится всю жизнь.

Соловьев машинально поглаживал теплую собачью голову, и от этого становилось немного легче.

За семнадцать лет работы старшему следователю ГУВД Дмитрию Владимировичу Соловьеву всего четыре раза приходилось выезжать на детские трупы. Это был пятый. Место происшествия – опушка леса, примыкающая к Пятницкому шоссе, в двадцати километрах от МКАД. Убитая – девочка двенадцати-четырнадцати лет. Рост около ста пятидесяти пяти сантиметров, вес примерно сорок килограмм. Волосы темные, длинные. Тело обнажено. Одежда – джинсы, сапожки, свитер, куртка, – все раскидано вокруг, в радиусе двух метров. Предположительная причина смерти – механическая асфиксия, удушение руками. При первоначальном осмотре, кроме следов удушения на шее, никаких иных видимых повреждений не обнаружено.

– Но, знаете, поза у нее была какая-то другая. Кажется, она сидела, прислонившись к стволу. Упала, когда я на нее налетел. Не понимаю, как у меня сердце не лопнуло. Под руками что-то ледяное, скользкое и – представляете – подвижное. В первый момент мне даже показалось, что она живая. Запах странный, сладкий. Конфеты или жвачка, что-то в этом роде. – Парень сморщился и посмотрел на свои ладони.

– Масло, – подсказала его подруга. – Косметическое масло. У тебя до сих пор руки пахнут, и на свитере жирные пятна.

Девушка подошла незаметно и встала рядом. Она почти успокоилась, только дрожала от холода.

– Почему вы так думаете? – спросил Соловьев.

– Тут думать нечего. – Девушка закурила. – Это очевидно. Маньяк, он и есть маньяк. Они всегда сочиняют что-нибудь оригинальное. Для них убийство это перформанс. Творческий акт. Произведение искусства, блин. А что, у вас есть другие версии?

Соловьев молча пожал плечами, перепрыгнул канаву, поднырнул под ленту ограждения. Свидетели остались стоять на обочине.

– Вот хрен они его поймают. Кстати, сейчас полнолуние. На маньяков луна действует очень сильно.

– А ты откуда знаешь?

– Книжки читаю.

Соловьев оглянулся. Свидетели стояли, обнявшись, и смотрели, как выплывает из-за тучи бледный, идеально круглый лунный диск.

– Здесь все кусты и ветки поломаны, – тихо заметил эксперт, – как будто ураган прошел. Фонарный луч медленно полз по кругу.

– В такой темноте бесполезно, – сказал старший лейтенант Антон Горбунов, – надо ждать рассвета.

Соловьев ничего не ответил. Луч уперся в тонкий ствол молодой березы. Дерево покоилось, как будто его правда трепал ураган, пытаясь вырвать из земли с корнем. Соловьев вернулся к телу.

Сладкий запах ударил в ноздри. Действительно, похоже на карамель или жвачку. Надо было вылить всю бутылку, чтобы так пахло. Пустая пластиковая бутылка валялась тут же. На этикетке улыбался младенец, завернутый в розовое полотенце. «Беби дрим». Масло после купания. Пятьсот миллилитров. Такие продаются во всех аптеках. Соловьев заметил, что крышка на месте, завинчена, и подумал, что отпечатки скорее всего стерты. Убийца аккуратист.

Луч скользнул по руке с ярко накрашенными короткими ногтями.

– Училась, – пробормотал Соловьев, – наверное, хорошо училась.

– Почему вы так думаете? – удивился эксперт.

– Характерное утолщение на верхней фаланге среднего пальца. Такая мозоль бывает у тех, кто много пишет от руки.

«Вот тебе и первое различие, – подумал Соловьев, – у тех троих подростков пальчики были ровные, без всяких утолщений. Им не приходилось писать от руки. Они нигде не учились, иначе их бы обязательно кто-нибудь опознал».

– Стоп, а это что тут у нас? – Соловьев осторожно отогнул пучок сухой прошлогодней травы.

«А вот и второе различие. Впрочем, это может оказаться случайностью. Не стоит пока делать никаких выводов».

– О боже, – выдохнул эксперт и подцепил пинцетом голубую прозрачную соску-пустышку.

На секунду все замолчали. Стало тихо, и от тишины как-то особенно холодно. Руки в резиновых перчатках заледенели. Соловьеву показалось, что где-то далеко щебечет одинокая птица. Не могло быть никаких птиц, кроме ворон, сейчас в этом лесу, в начале апреля, в заморозки. Однако щебет не умолкал. Дмитрий Владимирович медленно пошел на звук, проступывая фонарным лучом каждый сантиметр.

Звонил мобильный телефон. Он валялся под деревом, симпатичный, ярко-розовый, с брелком – золотой туфелькой.

«Третье различие. Но все-таки почерк поразительно похож. Неужели опять он?»

Соловьев осторожно поднял телефон, нажал кнопку.

– Алло! Женя! Где ты? Алло! Что молчишь? Женя, доченька...

Хриплый женский голос шарахнул Соловьеву в ухо из маленькой трубки, как пулеметная очередь. Телефон пискнул и замолчал. Батарейка села.

* * *

Странник вернулся из царства света, где все ясно, в реальность, в вечную ночь, где ни черта не разберешь. Ему не хотелось возвращаться, но его выкинула наружу неведомая мощная волна, с которой не поспоришь. В царстве света он был спокойным и сильным. Он выполнил святую миссию. Спас ангела. Что же теперь?

Он смутно помнил, как мотался по ночному городу, каким образом попал сюда, где оставил машину. Он огляделся и увидел все словно в первый раз. Ночь. Центр Москвы. Река. Мост. Темные громады домов. Маслянистые разводы фонарного света, багровые, синие, желтые отблески рекламы.

Пусто и страшно в этом городе, переполненном жизнью, копошением плоти, под землей, над землей, в глубинах метрополитена, на верхних этажах высотных зданий. Наркотики, проституция, тупая борьба за существование, деловитое утоление грязных страстей. Торжество зла, запечатленное миллионами телеэкранов, компьютерных мониторов, газетных страниц.

Конец света уже наступил, но никто этого не заметил, потому что некому замечать. Мир населен гоминидами, мутантами, демонами в человеческом облики. По сути, это животные, обезьяны. Но выглядят как люди. Разница в том, что у человека есть душа, а у обезьяны нет. Гоминид – плотоядная гадина, коварная, агрессивная, готовая на все ради лишнего куска мяса. Но если бы они питались только мясом! Нет. Им этого мало. Как всякое исчадье ада, они пожирают души.

Миф о животном происхождении человека связан именно с гоминидами. Корни у них и гомо сапиенс совершенно разные. Человекоподобные существа – творение дьявола. Плагиат. Они появились одновременно с людьми, как дьявольская альтернатива человеку разумному и духовному.

Самцы и самки гоминидов присутствуют во всех цивилизациях, на всех широтах Земного шара. Два миллиона лет они разлагают, развращают людей, делают их мутантами, замещая чистую человеческую природу своей, звериной, на генетическом уровне. Вся мировая история и мифология – вопль о помощи, обращенный в пустоту. Оборотни, вампиры, живые мертвецы – не фантазии. Это гоминиды.

Высокий плотный мужчина в темной куртке стоял на Крымском мосту, перегнувшись через перила, смотрел, как летит в воду пепел его сигареты, и вода была точно такая, как пепел, тусклая, серая. После долгой оттепели ударил мороз, но река еще не успела покрыться коркой льда.

Он стоял давно, время для него остановилось. Он примерз к чугунной ограде. Не то чтобы ему хотелось сигануть вниз, но он чувствовал, до чего легко это сейчас, и даже видел себя, уже начавшего смертельную акробатику.

Руки ухватились за перила, правая нога задралась в поисках опоры. Со стороны в эти несколько мгновений он, вероятно, будет похож на пожилого жилистого кобеля, который поднял лапу, чтобы помочиться. Совсем небольшое усилие – и тело перевернется через ограждение, полетит вниз. Вода взорвется брызгами и проглотит добычу очень быстро. Он сразу пойдет ко дну. Холодно. На нем много одежды. Он не умеет плавать.

Сигарета догорела до фильтра. Он кинул окурочек в реку, перегнулся еще ниже, наблюдая, как медленно гаснет в черной пропасти алый огонек. Он стоял на цыпочках. Ноги почти

повисли в воздухе. Живот больно вжался в чугунную перекладину. Он смотрел на воду, не отрываясь, и вода смотрела на него, хищная чернота заглядывала прямо в душу и шептала: ну, что же ты? Не бойся! Утонуть легко, совсем не больно, все равно как уснуть. Ангельские голоса услышишь, и будет хорошо, сладко.

– Я такая разделась, блин, примерить же надо. И это, короче, он, такой, шторку приоткрыл, вылутился и грит, типа: «Ой, блин, извини, я думал, здесь свободно!» Врет, как срет! Я знаю, он нарочно подсматривал! Короче, как зайдет какая-нибудь девчонка в примерочную, он обязательно, блин, лезет, типа ошибся! Халявщик хренов!

Голос звучал так близко, так пронзительно, что Странник чуть не свалился вниз. И тут же опомнился. Что это он надумал, в самом деле? Еще не время. Он не имеет права. Он обязан жить и действовать. На него возложена священная миссия. Ему открыта сокровенная страшная тайна, он, единственный из всех живущих, обладает даром отличать людей от гоминидов, отделять зерна от плевел, видеть и слышать ангелов, освобождать их от грязной шелухи порочной плоти. Кто же, если не он?

– Ай, блин, твою мать, сигареты кончились!

Скомканная пачка полетела в воду, задев его ухо.

– Мужчина, у вас сигаретки не найдется?

Две девочки, лет по четырнадцать, глядели на Странника, хлопая густо накрашенными ресницами. В фонарном свете посверкивали сережки, воткнутые у одной в бровь, у другой в нос. Улыбались губы, намазанные блестящей помадой. Несмотря на холод, они одеты были в узкие мини-юбки, спущенные значительно ниже талии, в курточки, такие короткие, что виднелись плоские нежные животы. У одной из пупка торчал металлический штырек с блестящим шариком на конце, у другой была наколка, цветная розочка. У обеих тонкие длинные ножки, обтянутые сетчатыми колготками, лаковые сапоги на гигантских шпильках.

– Ау, мужчинка! – Одна из девочек помахала рукой у него перед глазами. – Сигаретки не найдется у вас? Глухой, что ли?

Он не мог ответить. Он смотрел на них, не моргая. Они засмеялись и пошли дальше.

Сквозь хриплый наглый хохот, сквозь смрад перегара и дешевых духов, сквозь плоть двух юных самок гоминидов он явственно различил тихие всхлипы. Плакали ангелы, совсем слабенькие, но еще живые. Он видел, как выглядывают они из подведенных глазниц этих несчастных погибших созданий, жалобно смотрят на него сквозь накрашенные ресницы, как сквозь тюремную решетку: помоги, спаси нас! Кто же, если не ты?

Девочки, продолжая хохотать и материться, пошли дальше по мосту. Ему стало жарко. Ладони вспотели. Во рту пересохло. Он пошел за ними, сначала медленно, потом быстрее. Он понимал, что не следует этого делать, с двумя ему не справиться.

Одна из девочек обернулась, увидела, как он идет за ними, что-то сказала своей подруге, и обе побежали. Быстро у них не получалось, слишком высокие и тонкие каблуки. Ему ничего не стоило догнать их. Но сейчас, в центре города, гнаться за ними мог только сумасшедший. А Странник был нормален. Здоров психически. Вменяем. Он всегда полностью отдавал себе отчет в своих действиях.

Он остановился, отдышался, пошел в противоположную сторону, вспомнив, что именно там оставил свою машину. Он шагал спокойно, дышал глубоко и ни разу не обернулся.

Девочки давно исчезли, цокот каблуков растворился в гуле ночного проспекта, но Страннику все слышалось: помоги! Спаси нас!

* * *

Неизвестный больной по прозвищу Карусельщик лежал с открытыми глазами. Наверное, он был единственным человеком во всем больничном корпусе, который не спал сейчас.

За окном качался фонарь. Тень решетки медленно двигалась по одеялам, по лицам спящих больных. Кто-то бормотал во сне, кто-то ворочался, и скрип панцирного матраса неприятно отдавался в голове, словно скрип песка на зубах. Приглушенный мертвенный свет длинных ламп под потолком почему-то навевал мысли о морге. Дежурная сестра обязана была сидеть здесь, в палате, всю ночь. Но, конечно, не сидела. Дождавшись тишины, ушла спать в ординаторскую.

Где-то далеко зазвонил телефон. Карусельщик вдруг запаниковал. Ему пришло в голову, что это звонят из-за него. Его вычислили, нашли и сейчас предлагают сестре деньги, чтобы она – что? Прикончила его по-тихому? Задушила подушкой? Вколола смертельную дозу морфия?

Идея не показалась ему такой уж абсурдной. Он понимал, что это нелогично, бессмысленно, бред полнейший, но все равно вспотел от страха.

Звонок затих. Трубку наконец сняли. Через несколько минут послышались шаги. Кто-то шел по коридору, к палате. На всякий случай Карусельщик накрылся одеялом с головой и оставил щелку, чтобы видеть, кто войдет.

Брякнул ключ в замке. Вошла сестра. Сестры здесь были как на подбор, здоровенные бабы с пудовыми кулаками. Он не дышал, пока она приближалась к его койке.

«Что же меня так колотит? Зачем она пришла? Какого черта стоит здесь и смотрит на меня?»

Сестра со стоном зевнула, потянулась, покрутила мощными плечами, что-то проворчала себе под нос и зашаркала прочь. Дверь закрылась. Карусельщик вздохнул с облегчением, и даже вроде бы глаза стали слипаться, но старик на соседней койке вдруг сел и громко произнес:

– Наташа!

– Ты чего? – спросил Карусельщик шепотом.

– Наташа, моя жена. Это она сейчас заходила?

– Нет. Не она.

– А кто?

– Сестра.

– Зачем?

– Откуда я знаю? Спи.

Но старик не собирался спать. Он тревожно огляделся, уставился на Карусельщика, потом ткнул пальцем в сторону двери и сказал:

– Телефон. Звонил телефон. Вы слышали?

– Да. И что с того? – Карусельщик отвернулся. Ему совершенно не хотелось общаться с соседом психом.

– Это Наташа, я знаю, – сосед притронулся к его плечу, – это она, а меня не позвали. Вот так всегда. Она звонит, а меня не зовут и ничего не сообщают. Они это специально делают. Конечно, наш союз выглядит несколько нелепо, она годится мне в дочери. Я сейчас покажу вам ее фотографию, и вы все поймете.

«Ладно, хрен с тобой, – подумал Карусельщик, – хоть какое-то развлечение, все равно не усну до утра».

Он повернулся к соседу, мельком взглянул на цветной снимок. Старик поднес фотографию к самому лицу, но в руки не дал, быстро спрятал под подушку.

– Видите, какая красавица? Когда мы появляемся вместе в общественных местах, на нее смотрят все мужчины, ее нельзя не заметить и не влюбиться нельзя. Я всю жизнь считал себя порядочным, разумным и трезвым человеком, мне казалось, я полностью владею своими чувствами и всегда смогу себя контролировать. Но это было как наваждение, как гипноз, я оставил семью, предал, бросил и теперь расплачиваюсь за это. Заслужил. Что же делать? Заслужил...

Речь старика становилась все невнятной, он упал лицом в подушку, продолжая бормотать, всхлипывать и наконец затих, уснул.

Ночь катилась к рассвету. В палате было душно, воняло хлоркой, сероводородом, черной тоской.

«Нет, – утешался Карусельщик, – это не ад. Это значительно лучше. Ад был, когда они ходили за мной по пятам. Ад был в кабинке колеса обозрения, когда я чуть не сдох от холода. А здесь ничего. Здесь я выживу».

* * *

Борис Александрович Родецкий любил свою маленькую чистую квартиру. Две смежные комнаты, кухня. Стоило вернуться домой, закрыть дверь, присесть на скамейку в прихожей, и сразу стало стыдно. Скамейка крикнула: «Ты что, с ума сошел?» Из кухни обиженно забубнил холодильник. Все здесь было живым, все бы осиротело, если бы он не вернулся.

В гостиной круглый стол, покрытый темно-вишневой скатертью, потертые, но очень удобные диван и два кресла. В спальне, которая служила еще и кабинетом, стоял старинный, переживший три войны и тысячи проверенных школьных сочинений письменный стол. Дубовый, с зеленой кожаной столешницей, он, конечно, контрастировал с убогой тонконогой тахтенкой образца семидесятых. Но поролоновый матрас был накрыт зеленым покрывалом, под цвет столешницы. И шторы были зеленые, и абажур настольной лампы. Глубокий, с бирюзовым оттенком цвет создавал иллюзию вечной весны, свежей лесной зелени, покоя и счастья.

В обеих комнатах и в крошечной прихожей книжные полки громоздились от пола до потолка. Два раза в неделю Борис Александрович делал влажную уборку, пылесосил, мыл, чистил. Он не терпел беспорядка. Все у него лежало на своих местах. Нигде ни пылинки.

Пространство стен, свободное от полок, занимали фотографии. Выпуски с шестьдесят пятого по две тысячи второй. Его ученики.

Самые старые снимки были украшены колосьями, профилями Ленина, Маркса, Энгельса, силуэтами кремлевских башен и фабричных труб. Непременно присутствовали серп и молот, герб СССР. К семидесятым стал иногда мелькать водянистый бровастый Брежнев. Чем ближе к девяностым, тем жиже становилась советская символика. Коммунистическая бородатая тройка уступила место Пушкину, Толстому, Горькому, Маяковскому. На двух последних фотографиях Горького сменил Достоевский, Маяковского – Пастернак.

Классное руководство Борис Александрович брал каждые три года, вел классы с восьмого по десятый. За тридцать семь лет у него было двенадцать выпусков. Почти четыре тысячи учеников. Он помнил всех поименно.

Кроме школьных, были еще семейные фотографии. Несколько поколений Родецких. Молодая бабушка Мария в форме сестры милосердия (Артистическая фотография И. И. Розенבלата, Екатеринбург, 1912). Молодой дед Станислав Родецкий в офицерской форме. Поручик царской армии, поляк, из мелких дворян. Тот же год, тот же город. Клеймо той же Артистической фотографии. Они познакомились, когда пришли забирать снимки.

Пухлый испуганный младенец в кружевной сорочке на фоне кудрявого грота, намалеванного на фанерной декорации. Фотография Фр. Де Мезера, Москва, 1917. Годовалый Саша Родецкий. Отец Бориса Александровича.

На всех прочих снимках уже не было вензелей фотографов, не было никаких кружев и гротов. Дед Станислав в красноармейской форме, бабушка Мария в потертой кожанке, стриженная, суровая. Папа-школьник под портретом Сталина, в пионерском галстуке.

В 1912 году дед-католик принял православие, чтобы обвенчаться с Марией Кузиной, которая происходила из строгой купеческой семьи. В 1919-м дед-офицер перешел из Белой армии в Красную, чтобы избежать расстрела.

Борис Александрович помнил деда-инвалида, беззубого, страшно худого старика в телогрейке. Он появился в доме в пятьдесят четвертом, когда Боре было одиннадцать лет. Ребенку объяснили, что дедушка вернулся из Сибири, из долгой командировки. Строил секретный военный завод. Но Боря знал, что никакая это не командировка. Дед был в лагере, куда его посадил Сталин. Теперь Сталин умер, и Хрущев деда выпустил.

Дед Стас курил вонючие папиросы и тяжело кашлял ночами. У него была болезнь Паркинсона, тряслась голова, и казалось, он постоянно слушает кого-то незримого, быстро мелко кивает в ответ.

Фотографии мамы, Надежды Ильиничны, и жены, Надежды Николаевны, были помещены вместе, в одной рамке. У обеих светлые волосы, гладко зачесанные назад и убранные в тяжелый пучок на затылке. Прямые темные брови, мягкие легкие черты лица. У мамы глаза карие, с золотом, у жены – серые, в голубизну. На черно-белых фотографиях не видна разница в цвете. И разница во времени не видна. Маме тридцать пять, жене столько же. Они похожи, как родные сестры.

Рядом, тоже в одной рамке, портрет отца, Александра Станиславовича, и сына, Станислава Борисовича, тоже в одном возрасте: тридцать семь лет. Но никакого сходства. Отец лысый, с широким крупным носом, в круглых очках. У сына светлая шевелюра, правильное удлиненное лицо, тонкий благородный нос.

Из четверых самых близких людей сейчас был жив только сын. В последний раз Борис Александрович виделся с ним три года назад, когда умерла Надежда Николаевна. Стас, врач-офтальмолог, приехал из Америки, но на похороны матери не успел. Прожил с отцом неделю и улетел в свой Бостон. Там у него была отличная высокооплачиваемая работа в клинике, жена-американка Джой и две дочери, пятилетняя Соня и трехлетняя Надя. Борис Александрович внушек никогда не видел. Большая цветная фотография двух светловолосых девочек занимала самое почетное место – на письменном столе.

Стас звал отца к себе в Бостон, но Борис Александрович медлил, хотел довести до выпуска очередной класс.

Школа, в которой он проработал всю жизнь, считалась одной из самых престижных московских спецшкол. Менялась власть, переписывались учебники, приходили и уходили директора. Борис Александрович неизменно вел литературу и русский язык в старших классах.

Литература была для него интересней и надежней реальной жизни. Он, зажмурившись, нырял в тексты русских классиков, и в этой теплой стихии чувствовал себя как рыба в воде. Но стоило вынырнуть, он задыхался, не только в переносном, но и в прямом смысле. У него начинались приступы астмы. Прочитанные про себя, как молитва, несколько строк из «Евгения Онегина» или «Медного всадника» помогали лучше любых лекарств. Когда случались неприятности, мелкие и крупные, ему даже не надо было раскрывать книгу. Он знал наизусть огромное количество стихов, мог думать кусками из «Мертвых душ» или «Анны Карениной».

Проблемы в школе, сложные ученики, интриги учительского коллектива, смерть родителей, отъезд сына в Америку, денежные реформы и кризисы, маленькая зарплата – все это скользило по поверхности и не проникало внутрь. Злая рутина реальности таяла, стоило произнести про себя: «Мой дядя самых честных правил» – и пуститься дальше в странствие по первой главе, а потом отправиться в гости к сумасшедшему Плюшкину и поразмышлять о том, как странно переплетены два великих сюжета. Путешествовать по России должен был Онегин, но вместо него отправился пройдоха Чичиков. Идею «Мертвых душ» подарил Гоголю Пушкин. У Онегина были не те глаза? Или роман должен был закончиться отповедью Татьяны? Действительно, более гениального финала придумать невозможно. Все, что за ним, – лишнее. А как интересно сравнивать Татьяну Ларину с Анной Карениной! Два бессмертных женских характера, альтер эго двух великих авторов. Убивая Анну, Толстой убивал в себе плотскую

страсть, удалял ее, как опухоль. Рельсы и паровозные колеса вроде хирургических инструментов.

Кажется, именно на этом месте очередного внутреннего монолога его однажды прихлопнула, как муху, чугунная ладонь реальности.

– Боря, у меня рак, – сказала Надя.

Он тут же вспомнил шутку поэта Светлова: «Рак у меня уже есть. А где же пиво?» – и странно, дико усмехнулся.

– Два варианта, – спокойно продолжала Надежда Николаевна, не заметив его усмешки, – послушай меня внимательно и помоги принять решение. Вариант первый, традиционный. Операция, химия, лечение по полной программе. Это даст мне в лучшем случае полтора-два года жизни. Вариант второй – оставить все как есть. Тогда я умру через пять-шесть месяцев. Но умру легко. Боли отлично снимаются наркотиками.

«Не исключено, что если бы Татьяна поддалась страсти и изменила бы своему генералу с Онегиным, которого любила, пожалуй, еще сильнее, чем Анна Вронского, она бы в итоге погибла. Стало быть, порядочность, чистота для Пушкина – это так же естественно, как инстинкт самосохранения. Или дело совсем в другом? Пушкин свою Татьяну уважал, берег, а Толстой испытывал к Анне смешанные чувства, одновременно страсть и ненависть, что, пожалуй, одно и то же...»

– Боря, ты меня слышишь?

– Да, Наденька.

«Убийца русской императорской семьи Юровский в молодости был ярким толстовцем, сохранилось три его письма, адресованных Льву Николаевичу. Будущий убийца делился своей проблемой. Он любил замужнюю женщину. На два его письма Толстой ответил. В этом есть нечто таинственное и жуткое. Толстой – редкий пример русского гения, дожившего до старости и уставшего от собственной гениальности. Гигантскому, космическому дару к концу жизни он предпочел плоское рациональное поучительство. Ему хотелось упроститься, спуститься с небес на землю. Небеса показались слишком холодными. Старики часто зябнут. Земля влекла рыхлостью, мягкостью, он даже принялся ходить босиком, до того влекла земля. Но потом ему это стало скучно, и он умер, взбудоражив Россию и весь мир».

– Боря, как мне быть? Лечиться или нет? Понимаешь, лечение очень мучительно, и стоит ли ради лишних нескольких месяцев жизни...

«Анна чувствовала, как у нее блестят глаза в темноте, и еще, эти темные завитки на шее. А сцена, когда она приходит к ребенку? У Сережи жирные ножки. И сама Анна жирная, вся колышется. Вечная война духа и плоти, долга и страсти. Анна – это война Толстого с самим собой. Война, от которой он так устал к старости. Татьяна – это...»

Он не сумел сформулировать, что же такое Татьяна. Он вдруг физически ощутил, как распадается в его душе великая гармония, как слой за слоем улечиваются волшебные тексты, стихи и проза. Нет ничего, кроме жуткой, наглой опухоли в животе его жены.

– Надо еще раз проконсультроваться с врачами, – сказал Борис Александрович, – ведь случаются ошибки. Как это – ничего не было, и вдруг рак. Невозможно.

Он говорил еще что-то, но слова не имели смысла. У него начался приступ астмы, по привычке он попытался прочитать про себя какое-нибудь стихотворение, но не сумел вспомнить ни единой строчки. Пришлось воспользоваться баллончиком с лекарством.

Вместе с женой они приняли решение все-таки лечиться, и следующий год прошел в мучительной бесполезной борьбе. Химия, от которой тошнит, лезут волосы, любая царапина заживает месяцами, пухнет и гноится. Операция, после которой из живота вывели трубку. Борис Александрович до последнего момента не верил, что его Наденька умирает, и когда это случилось, он как будто умер вместе с ней.

Через десять дней после похорон, проводив сына в аэропорт, вернувшись в пустой дом, он взял с полки томик Чехова, раскрыл и тут же отложил. Ни Толстой, ни Бунин, ни даже Пушкин больше не спасали его. Одиночество обрушилось на старого учителя всей своей ледяной мощью.

Он продолжал работать, ходил каждый день в школу, проверял сочинения, давал дополнительные уроки. Однажды наткнулся на два совершенно одинаковые сочинения по «Войне и миру», написанные вполне бойко и грамотно двумя очень слабыми учениками.

– Они просто скачали из Интернета, – объяснил ему кто-то из молодых учителей.

Сын в последний свой приезд купил ему стационарный компьютер, чтобы общаться по электронной почте. Борис Александрович вел переписку с сыном, но в паутину никогда не влезал. А тут решил попробовать. Новая забава понравилась ему. Через Сеть можно было получать огромное количество информации, не выходя из кабинета, не заваливая дом газетами и журналами, не включая телевизор.

Вечерами он стал бродить по энциклопедиям, по самым знаменитым музеям мира, по городам, в которых не суждено побывать. Ему нравилось отыскивать статейки на литературные темы, проглядывать рейтинги книжных новинок. Иногда он залезал в чаты, читал диалоги разных пользователей, но сам никогда в них не участвовал.

В своих путешествиях он часто натыкался на грязь. В Сети жило огромное количество психов. Вампиры, ведьмы, черные и белые маги, сатанисты, фашисты, извращенцы всех видов и мастей. Но особенно много было порнографии. Борис Александрович обходил это, как грязные лужи, быстро и осторожно, стараясь не вляпаться.

И все-таки однажды вляпался.

Это был вполне благопристойный чат, где велись умные диалоги о литературе. Один из участников дискуссии доказывал, что некто Марк Молох – гений, новый Набоков. Борису Александровичу стало интересно. Он вышел из чата, набрал «Марк Молох» и нажал «поиск».

«Новый Набоков» оказался всего лишь очередным порнографом. Бегло, брезгливо пробежав тексты, Борис Александрович все-таки успел заметить, что Марк Молох довольно бойко пишет, с некоторым даже литературным блеском. То есть это не просто озабоченный болван, который тешит собственное большое воображение блеклыми картинками разнообразных соитий. Это автор с претензией, автор грамотный, образованный, умелый. Ну что ж, тем хуже, тем гаже.

Старый учитель готов был уже покинуть мерзкий сайт, но завис. Нажал куда-то не туда. На дисплее появилась подвижная картинка. Кадр из порнофильма. Все бы ничего, но актерами были дети. Две девочки и два мальчика, от десяти до четырнадцати лет. Худые голые тела переплетались в такой кошмарной композиции, что у Бориса Александровича пересохло во рту.

«Как же это?! Разве такое возможно? Должна существовать какая-то цензура! Ведь это уголовщина! И так открыто, нагло! Господи, что происходит? Почему? За что?»

Следовало убрать страшную картинку с дисплея. Убрать и забыть. Начинался тяжелый приступ астмы. Он захлебывался кашлем. Руки тряслись, он не мог справиться с мышью. Оставил все, как есть, бросился в ванную за баллончиком. Снял приступ, вернулся к компьютеру. Картинка на дисплее сменилась. Теперь детей показывали по отдельности. Голых. В разных позах. Убрать и забыть. Иначе можно сойти с ума. Выключить компьютер и больше никогда не влезать в паутину.

Он прикоснулся к мыши и громко, хрипло вскрикнул. Только что на дисплее извивался мальчик, теперь появилась девочка. Борис Александрович узнал свою ученицу, восьмиклассницу Женю Качалову.

Глава третья

Ольга Юрьевна Филиппова никак не могла проснуться. Звенел будильник, она ставила его на паузу, накрывалась одеялом с головой. Через пять минут он опять звенел. Ей хотелось плакать. Она села на кровати и тут же увидела себя в зеркале. Старое трюмо в спальне было самым добрым из всех зеркал в доме, но на этот раз оно не собиралось льстить.

«Чего же ты хочешь? – холодно спрашивало зеркало. – Сорок один год. То есть пятый десяток. Хронический недосып. Застарелые следы усталости, неизжитые детские фобии, комплексы. Седина лезет у висков. Не нравится – закрашивай. А лень закрашивать – смирись. Меньше кури, меньше нервничай, больше времени проводи на свежем воздухе, не работай по выходным, не грызи себя за то, в чем не виновата, и за то, в чем виновата, тоже не грызи, никому от твоего самоедства легче не станет».

Оля пошевелила бровями, показала себе язык. Если долго смотреть в зеркало, оттуда выскочит черт. Так говорит мамочка. Или так говорит Заратустра? А может, это вообще цитатник Мао?

Доктор Филиппова закрыла глаза и опять забилась под одеяло, чтобы не видеть свою сонную бледно-зеленую физиономию.

В квартире стоял невозможный шум. На кухне орал телевизор. Из детской доносились звуки старого рок-н-ролла. Катя, подпевая Элвису Пресли, делала сложную зарядку. Двадцать упражнений для талии, двадцать для бедер. Потом какие-то специальные прыжки, повороты, наконец, хождение на ягодичках.

– Ма-ам! – прозвучал за дверью голос сына. – Мам, я не могу собраться в школу, Катя ползает на заднице по всей комнате!

– Ма-ам! – донесся голос дочери. – Папа уже полчаса не вылезает из ванной, мне надо в душ, я в школу опоздаю!

– Оо-ля! – горным эхом, далеким и жалобным, прилетел из ванной голос мужа. – Оо-ля! Чистое полотенце! Пожалуйста!

И тут опять зазвенел будильник.

Не открывая глаз, Ольга Юрьевна села, спустила ноги с кровати, нашла одну тапочку.

– Мам, у нас геркулес кончился, я не знаю, чем мне завтракать, – сообщила дочь.

– Мам, ты не видела мой учебник математики, синий такой, в клеточку? – спросил сын.

– Оля! Чистое полотенце! Я уже час жду! – напомнил муж.

Ольга Юрьевна, прихрамывая, в одном тапочке, побрела по коридору.

– Мам, ты опять спишь в этой байковой пижаме! Она какая-то казенная, ты в ней похожа на приютскую сироту. – Катя дернула ее за рукав.

– Зато теплая, – заступился Андрюша и дернул за другой рукав, – и ничего не казенная. Ее бабушка купила маме на день рождения, лет сто назад, в «Детском мире».

– Продолжаем нашу программу. Сегодня ночью, в двадцати километрах от МКАД, в лесополосе, найден обнаженный труп девочки, на вид около двенадцати лет, – сообщил после рекламной паузы бодрый голос.

– Отстаньте, – тихо взмолилась Ольга Юрьевна, открыла наконец глаза и обнаружила, что стоит на кухне перед телевизором. – Андрюша, отнеси папе полотенце.

– Почему я? – возмутился сын.

– Ну не я же! – хихикнула дочь.

– Вероятно, в Московской области появился очередной маньяк, серийный убийца.

Ольга Юрьевна застыла перед телевизором. На экране показывали кусок шоссе, ряд милицейских машин, канаву, опушку леса, фрагмент ограждения.

– Мам, а где у нас чистые полотенца? – спросил сын.

– В кладовке, дурья башка! – ответила за Ольгу Юрьевну дочь. – Андрюха, ну честное слово, живешь, как постоялец в гостинице!

На экране корреспондентка ткнула микрофон в лицо усталому мужчине. У него была седая голова, поэтому он выглядел почти стариком, сердитым стариком, которому все надоело. Ольга Юрьевна знала, что ему сорок один год, так же как и ей.

– Скажите, уже установили личность убитой?

– Да. Установили.

– А можно подробнее? Она москвичка? Приезжая? Или проживала в области? Как ее имя? Сколько ей лет? Каким образом...

– Работа следственной группы только началась, никакой информации мы сообщить вам пока не можем. Обратитесь в пресс-центр ГУВД.

– Mam, смотри, это твой Дима Соловьев! – заметила Катя и включила чайник.

– Mam, ты точно не видела мой учебник? Это очень важно! Там внутри листок с задачами, которые будут на контрольной! – крикнул из комнаты Андрюша.

– Оля, у меня кончились лезвия! – пожаловался Александр Осипович. Он наконец вышел из ванной, розовый, распаренный, в старом махровом халате.

– Конечно, маньяк! Кто же, если не маньяк? – уверенно заявила симпатичная блондинка, которая появилась в кадре после Соловьева. – Он облил труп косметическим маслом, чувствуете, до сих пор пахнет. И еще, рядом валялась детская пустышка.

– Откуда у вас такая информация?

– Слышала, как они обсуждали, – свидетельница криво усмехнулась, – это перформанс. Маньяки в своих действиях демонстративны. К тому же полнолуние. Ладно, я расскажу по порядку. Мы возвращались из гостей, остановились...

Телевизор выключился. Ольга Юрьевна вздрогнула, обернулась. За спиной стоял Александр Осипович с пультом в руке.

– Нет, Оля. Нет.

– Что?

– Сама знаешь – что. Ты не будешь больше в этом участвовать. Никогда.

– В чем именно, Саша?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Вспомни, что с тобой творилось. Тяжелая депрессия, бессонница. Забыла? Ты тогда почти свихнулась, нас чуть с ума не свела, меня, детей, родителей твоих. И главное – без толку. Ты его практически вычислила, но они его не поймали и сейчас не поймают. Это безнадежно. Кому-то выгодно, что он убивает подростков.

– Саша, перестань, кому это может быть выгодно? Что ты глупости говоришь? – Оля хотела отнять у мужа пульт, включить телевизор. Но он не дал, спрятал руки за спину.

– Конечно, я всегда говорю глупости, зато твой Соловьев гений. Кто бы мог подумать, что из мальчишки, гадкого утенка, вылупится такая сильная личность, вон, по телевизору его показывают, красавца седовласого. Его показывают, а ты смотришь, оторваться не можешь.

Ольга Юрьевна заставила себя улыбнуться и поцеловала мужа в колючую щеку.

– Сашенька, ну что ты завелся? Сейчас приму душ и будем завтракать. Все хорошо, не волнуйся.

Он тяжело вздохнул, насупился.

– Ты не ответила мне.

– А ты разве спросил о чем-то?

– Ма-ам! Ты не брала мою красную расческу? – крикнула из ванной Катя.

– Я не спросил, – Александр Осипович упрямо мотнул головой, – я попросил. Обещай мне, что ты не будешь в этом участвовать. Даже если тебя пригласят. Даже если станут уговаривать, ты откажешься. Категорически. Ну что ты молчишь?

* * *

Убитую девочку звали Качалова Евгения Валерьевна. Неделю назад ей исполнилось пятнадцать. На тумбочке, у ее кровати, еще стоял букет подсохших белых роз. Пятнадцать штук. К вазе была прислонена открытка, копия известной фотографии: Мэрилин Монро стоит на решетке Нью-Йоркской подземки и пытается усмирить свою юбку, вздыбленную потоком горячего воздуха. На обратной стороне корявым почерком было написано: «Дорогую любимую доченьку Женечку поздравляю с днем рождения, будь всегда самой красивой и счастливой! Папа».

Внизу – дата и лихой росчерк подписи. Дмитрий Владимирович Соловьев машинально отметил, что автору поздравления редко приходится писать от руки, зато автографы он раздает в день по десятку, не меньше.

На письменном столе девочки в дешевой бело-розовой рамке с мишками и цветочками стоял портрет потасканного молодого человека. Впрочем, молодым его можно было назвать с большой натяжкой и только потому, что определение «мужчина» существу на фотографии никак не подходило. Длинные жидкие кудри закрывали верхнюю половину лица, падали змейками на плечи. Из-под челки похабно и томно глядели подведенные глаза. Пухлую верхнюю губу украшали тончайшие, словно тушью нарисованные усики.

Валерий Качалов, эстрадная звезда начала восьмидесятых, имел шестерых детей от разных жен. Женя была четвертой его дочерью.

– Больше трех лет он ни с кем не жил, – сказала Нина, мать Жени, – для него женщина после двадцати пяти – старуха. Нет, даже не старуха. Покойница. Мне тридцать три, так что я для него умерла восемь лет назад.

Застарелая, привычная ненависть к отцу Жени слегка притупила ее боль. Соловьев слушал, не перебивая.

На опознании она упала в обморок. В машине, по дороге домой, молчала. Во время обыска сидела, сложив руки на коленях, когда задавали вопросы, отвечала коротко «да», «нет» и все время покачивалась, как кукла. В ней вообще было что-то кукольное. Соловьев легко представил себе, что лет десять назад она выглядела как новенькая нарядная Барби. Ноги от ушей, осиная талия, высокие скулы, кошачий разрез глаз. Сейчас напротив него сидела Барби потрепанная, в которую давно наигрались. Модельное изящество обернулось нездоровой костлявостью. Волосы, от природы русые, волнистые, превратились в желтую тусклую мочалку. Много лет она жгла их перекисью и составом для выпрямления, потому что его величеству Валероньке нравились блондинки с прямыми волосами.

Его величество когда-то нашел ее, десятиклассницу Нину, в подмосковном городе. Не важно в каком. Дыра, захолустье. Он был там проездом, дал всего один концерт в заводском Доме культуры и углядел Ниночку в толпе поклонниц.

Дома, в провинции, ее красивой не считали. Слишком тощая, слишком длинная, большеперотая. Она стеснялась своего шикарного роста, сутулилась, подгибала колени. Губы подкрашивала так, чтобы казались меньше. И вдруг московская звезда Валерий Качалов, прямо со сцены, на глазах у всех, наклонился к ней, схватил за руки и выдернул из толпы, как цветочек с клумбы сорвал.

– Господи, я чуть с ума не сошла! Он заставил меня стоять рядом, целую песню. Он меня обнял за талию и шепнул: «Не горбись, дура!» Я тогда страшно удивилась, во-первых, что он такой маленький, мне по плечо, а во-вторых, что не поет, только рот открывает и прыгает. Я же еще ничего не знала про «фанеру». Он как бы пел и при этом со мной разговаривал. Когда кончилась песня, я думала – все, кончилась жизнь. Хотела рвануть со сцены, удрать, спрятаться в бабкином сарае. И знаете, я напрасно не сделала этого. Впрочем, тогда бы не было Женечки.

Она замолчала, уставилась на Соловьева сухими глазами. Она как будто проснулась после долгого наркоза. Дмитрий Владимирович испугался, что сейчас она опять оцепенеет, начнет покачиваться, обхватив плечи руками. Но нет. Потянулась за сигаретой.

– Позавчера Женя поехала к отцу. Думаю, вам надо с ним поговорить.

– Обязательно, – кивнул Соловьев и щелкнул зажигалкой. – Она собиралась ночевать у него?

– Да. Она обожает у него оставаться. Там праздник нон-стоп. Новые люди, тусовка с утра до утра. Весело, блин. А здесь, дома, – скука. Я ее пилю, заставляю заниматься. Я, видите ли, хочу, чтобы она не только окончила школу, но и поступила в институт.

Соловьев молча встал, прошелся по маленькой чистой кухне, уставился в окно. Ему было тяжело видеть ее глаза, тусклые и спокойные, словно нарисованные на мертвой пластмассе. Напомнить ей, что никогда уже ее Женя не окончит школу, не поступит в институт? Напомнить или нет? Она забыла о секционном зале, о мраморном столе, о проштампованной простыне, которую приподняли слегка, чтобы показать ей лицо. Только лицо. Для опознания этого вполне достаточно. Нет, все отлично помнит. Просто ей так легче – говорить о Жене в настоящем времени. По-другому она пока не может.

– Врач там, на опознании, спросил, почему моя девочка такая худенькая. Я не сумела ответить. Мне стало плохо. А сейчас вам скажу. Женечка ничего не ест, кроме яблок и зеленого салата без масла. Она хочет стать моделью. И ужасно страдает из-за своего маленького роста. Ростом она не в меня, в папочку. Он метр пятьдесят семь. На сцене это не заметно, к тому же специальная обувь, с подпятниками. Неудобно, конечно, зато лишние три сантиметра. Плюс еще каблук, сантиметров пять, и того получается восемь. Знаете, когда он ушел, я не сильно испугалась. Он оставил квартиру нам с Женей, вот эту. Она неплохая, правда? И денег давал. Иногда возвращался на пару дней, на неделю. Увидит меня на какой-нибудь тусовке, заметит, что я хорошо выгляжу, узнает, что у меня роман, и обязательно заявится, как кобелек, лапу поднять, территорию свою пометить, блин. Правда, и это кончилось. Я для него давно не женщина. Трупешник. Нет, денежку, конечно, подкидывает. Не регулярно, но подкидывает. В принципе я сама зарабатываю. Учусь на курсах психологии и психоанализа. Уже есть своя клиентура. Господи, это он во всем виноват! Зачем, зачем я ее к нему отпустила? Я ведь не хотела, как будто чувствовала! У нее контрольные годовые, по всем предметам. Мы поссорились, я пыталась усадить ее за стол, заставить заниматься. Орала, конечно. Она, знаете, когда мы ссоримся, молчит и смотрит. Это ужас! Я совершенно перестала ее понимать.

– Вы звонили ее отцу, пока Женя была у него? – спросил Соловьев, вклинившись в паузу.

– Нет. Я ему никогда не звоню. Только Жене, на мобильный. Хотела помириться. Но она не брала трубку.

– Телефон все это время был включен?

– Нет. Она его только вчера вечером включила и забыла о нем. Наверное, валялся там где-нибудь. Квартира огромная, народу полно, музыка орет. Валера, кстати, недавно Женю в своем клипе снял. Ей даже деньги заплатили. Хотите, поставлю кассету? Женя ставит ее всем, кто приходит в дом. Правда, в последнее время почти никто не приходит. У меня друзей не осталось, родственники все в провинции. А Женя своих не приводит. Стесняется. Мы, видите ли, бедно живем. Ну хотите, поставлю?

Соловьев не знал, что ответить. Ему вообще-то надо было не отвечать, а спрашивать. Он уже второй час сидел в этой кухне, наедине с матерью, у которой убили единственного ребенка. Когда он уйдет, она останется одна. Но если сейчас поставит клип, увидит свою Женю, какая будет реакция? Опять потеряет сознание?

Нина искала кассету. На полках в прихожей они стояли плотно, в два ряда. Молодежные комедии, мультяшки, мелодрамы. Пользуясь паузой, Соловьев принялся задавать вопросы о Жене. Он избегал глаголов прошедшего времени.

Ему удалось узнать, что Женя – девочка в принципе общительная, но иногда у нее случаются периоды такой мрачности, что к ней страшно подойти. Наркотики она пробовала, как все современные дети, но ничего серьезного ее мама пока не заметила. Дискотеки, кафе – да, это ей нравится. Правда, родители ее приятелей – люди совсем иного материального уровня. Нина не может себе позволить давать дочери столько денег на развлечения, сколько дают другим детям. И Женя чувствует себя ущербной, хотя она красивее многих своих подружек. Но из-за этого они ее постоянно подкалывают. Не дай бог надеть что-нибудь дешевле ста баксов!

Кассета наконец нашлась. Это была студийная запись, отличного качества. Соловьев мгновенно узнал клип, его часто крутили по телевизору.

«Детские глаза и мамина помада. Ты не торопись взрослеть, не надо», – пел, растягивая гласные, как сладкую жвачку, Валерий Качалов.

Прелестная худенькая девочка, не старше одиннадцати, крутилась перед зеркалом, подкрашивала глаза и губы, примеряла мамины наряды, каталась на роликах по парку, надувала пузыри из жвачки, сидела в кино с мальчиком, и он робко обнимал ее за плечи.

Темный кинозал и пузырьки поп-корна,
Целоваться в губы так прикольно.

У девочки были прямые светлые волосы до пояса, большие голубые глаза. Качалов иногда появлялся в кадре с гитарой: то на скамейке в парке, то за окошком школы, верхом на ветке старой липы. Мудрый любящий папочка, немного смешной, все понимающий. Воплощение девичьей мечты о настоящем мужчине. Когда у девочки в клипе случались какие-нибудь неприятности (злая учительница выгнала из класса, любимый мальчик сидит в кафе с другой девочкой), папа отправлял ей эсэмэски: «Котенок, не грусти, все будет классно!»

Она читала и улыбалась сквозь слезы. В конце клипа певец и девочка шли по аллее цветущего сада, обнявшись, оживленно разговаривали о чем-то и весело смеялись.

– Ее теперь иногда на улицах узнают, – прошелестел голос Нины, когда клип кончился, – хотя ее снимали в парике, и грим специальный, чтобы лицо выглядело совсем детским.

– Да, – кивнул Соловьев, – я заметил.

– Это самый талантливый его клип, – Нина закурила и выпустила дым в потухший экран телевизора, – то есть это ее клип, Женин. Она все придумала. А он тут вообще ни при чем. Валерий Качалов – бездарность. Ни слуха, ни голоса. На эстраде это иногда компенсируется чувственностью, обаянием, но ничего этого у него тоже нет.

– Что же есть? – спросил Соловьев.

– Бешеный напор. Самоуверенность. Связи. Когда-то он сумел вписаться в нужную тусовку и до сих пор держится там, не знаю, каким образом. Даже для меня это загадка, хотя я прожила с ним три с половиной года. На целых шесть месяцев больше, чем остальные его жены. Но в этом не моя заслуга, а Женина. Он к ней с самого ее рождения очень сильно привязался. Конечно, такую девочку невозможно не любить. Хотите выпить?

– Нет, спасибо.

– И правильно. Я, пожалуй, тоже не буду. Мне надо выйти в магазин, купить яблок, салату, орешков. Женя вернется, а есть совершенно нечего.

Дмитрий Владимирович попытался поймать ее взгляд. Поймал. Но ничего не понял. Сухие голубые глаза смотрели сквозь него.

Соловьеву приходилось видеть разные реакции на смерть. То, что творилось с Ниной, не было похоже на помешательство. Она говорила связно, разумно, вполне адекватно воспринимала окружающий мир во всех его проявлениях, кроме одного. Она не желала понимать, что ее дочь убили.

Она видела Женю, опознала ее, опознала все ее вещи, расписалась везде, где просили. Она, очевидно, считала Валерия Качалова если не прямым, то косвенным виновником смерти дочери. Но в саму смерть не верила. Допустим, у нее есть еще пара-тройка дней на этот отчаянный самообман. Но потом все равно придется сказать себе правду, придется похоронить Женю и как-то жить дальше.

– Ладно, пойдемте в ее комнату, я должна прибрать там, – сказала Нина и тяжело поднялась с кухонной табуретки.

– Вы знаете кого-то из друзей Жени? – спросил Соловьев, наблюдая, как она перекладывает вещи в шкаф.

– Я же сказала, Женя стесняется приглашать их домой. Да, собственно, и друзьями их назвать нельзя. Одноклассники. Ребятки с дискотек, из ночных клубов. Иногда с кем-нибудь завязывались более близкие отношения, но не надолго. Она легко сходится с людьми и еще легче расстается. Если она любит кого-то по-настоящему, то только меня и его, – Нина кивнула на снимок в рамке.

Дмитрий Владимирович взял фотографию в руки, прочитал надпись на обратной стороне: «Мой папочка – самый красивый и талантливый!» Буквы были выведены цветными фломастерами на серой картонке. Внизу нарисован цветочек. Железные зажимы, державшие картонку, истерлись на сгибах. Между картонкой и фотографией Соловьев обнаружил четыре купюры по сто евро.

«Неужели придется проводить повторный обыск?» – подумал Дмитрий Владимирович, оглядывая комнату.

Другой тайник был в старой цветастой косметичке. Там, за подпоротой и аккуратно зашитой подкладкой, Женя прятала пять сотенных купюр. Потом нашлось еще пятьсот евро, в штанах большой тряпичной куклы.

Нина смотрела на деньги молча, прижав руки ко рту.

Из прихожей послышался скрежет замка. Нина вздрогнула, испуганно взглянула на Соловьева.

– Нинуль, ты дома? – спросил сочный женский бас.

– Да, – громко ответила Нина и добавила чуть тише: – Это Майка, моя подруга. У нее есть ключ.

Через минуту в комнату вошла высокая крепкая женщина в джинсовом комбинезоне. Короткие пегие волосы торчали во все стороны. Круглые щеки сияли здоровым румянцем. Она улыбнулась, показывая лошадиные зубы. В глубине рта блеснуло золото. Выпуклые карие глаза ощупали сначала Соловьева, потом Нину.

– Привет, ребята. А чего кислые, как на похоронах? Меня Майя зовут, – она протянула Дмитрию Владимировичу руку.

У нее было мужское, крепкое рукопожатие. Соловьев коротко представился и тут же про себя назвал эту даму физкультурницей.

– Следователь? – удивленно уточнила она. – Женька что-нибудь натворила?

– Да, – сказала Нина, – натворила. Умерла.

– Тихо, тихо, спокойно, не каркай, – физкультурница решительно помотала головой, – типун тебе на язык. Я понимаю, Женя ребенок трудный, ты устала, но знаешь, солнце мое, так не шутят, ты все-таки мать.

Нина посмотрела на Соловьева. Губы ее медленно растянулись в улыбке:

– Вот видите, никто не верит. Значит, это неправда.

* * *

Странник принял душ, побрился, надел все чистое. Долго смотрел на себя в зеркало, словно увидел впервые и пытался узнать – кто это? Чужой незнакомый человек, вернувшийся из царства света, оттуда, где над пропастью сеют рожь, дети играют во ржи. Одно неосторожное движение, и дитя летит вниз, в пропасть, в вечную ночь. Жалобный крик тает в бесконечности. Другие дети не слышат, не знают об опасности и продолжают играть, бегать. Девочки и мальчики, несчастные погибшие создания.

Трансформация каждого отдельного человека в гоминида происходит постепенно. Эволюция наоборот, то есть революция, продолжается во времени и пространстве, здесь и сейчас, везде и всегда, бесконечно множится на миллионы лет и миллиарды новых жизней. Младенец еще наделен чертами человека. Чем старше он становится, тем отчетливей деградирует. Миазмы дыхания гоминидов изменяют тела на клеточном уровне. Но внутри тел мутантов какое-то время еще живут ангелы. Они плачут, они пытаются выбраться на волю. Им надо помочь. Ну что ж, он помог. Он вернулся из царства света с чувством выполненного долга.

Юная самка очень хотела жить. У гоминидов невероятно мощный инстинкт самосохранения. Напоследок он сказал ей правду. Ее жизнь – грубый грязный блуд. Мерзость. Церковь только в одном случае прощает самоубийство – когда убивает себя дева, спасая свою чистоту. Ты понимаешь, что это значит? Чистота важнее жизни. Ангел в тебе, которого ты предала, важнее тебя, девочка. Он плачет. Ему больно и страшно в твоём теле, в теле жадной маленькой сучки, которая сводит людей с ума.

Где-то в глубине квартиры заскрипела и хлопнула дверь. Это был знак. Он ждал его и знал, что обязательно будут другие знаки. Все правильно. Полтора года он позволил себе жить в плоской бессмысленной реальности, по ту сторону Апокалипсиса, который уже наступил, но никто не заметил. Он позволил себе восемнадцать месяцев существовать в мире пяти чувств и трех измерений, в мире гоминидов, и, разумеется, все это время был глух и слеп, как они.

Число восемнадцать состоит из трех шестерок. Число зверя. Три шестерки его бездействия. Понятно, кому это выгодно. Вот он, еще один знак.

Человек в зеркале нахмурился, потом улыбнулся. Повернулся, чтобы увидеть себя в полупрофиль. Провел рукой по влажным волосам. Может, путешествие приснилось ему? Такое чувство возникало каждый раз, когда из царства света его швыряла неведомая сила назад, в вечную ночь. Тьма была привычной, она умела создать иллюзию комфорта и покоя. Но она высасывала из него силы. Тьма была вкрадчивым гигантским вампиром, она состояла из миллиардов незримых летучих мышей. Гоминидам она казалась светом, ибо настоящего света они не знали, он мгновенно ослепил бы любого из них. Они привыкли к мраку, их уши не воспринимали шороха мышинных крыльев, их кожа была слишком толстой, чтобы они могли чувствовать, как впиваются острые зубы крошечных демонов. Они не понимали, что умирают, и жили так, словно смерти нет.

Странник всегда возвращался со слезящимися глазами и мучительной головной болью. Он был весь мокрый, он задыхался. Ему хотелось кричать, как новорожденному младенцу, и чья-то сильная рука зажимала ему рот.

В ванной на полу валялась его одежда. Джинсы, клетчатая теплая ковбойка. В карманах джинсов он обнаружил комок жвачки, завернутый в целлофановый мешочек от сигаретной коробки.

– Плюнь! – сказал он девочке, когда они ехали в машине. – Что за дурацкая манера? Ты не корова.

Она кивнула и выплюнула жвачку ему на ладонь. Конечно, ее приучили выполнять все пожелания клиентов. Маленькая мразь. Шлюха.

В заднем кармане остались деньги, добытые из внутреннего кармана ее куртки, когда все уже было кончено. Двести пятьдесят евро и сто долларов. Доллары – доплата, которую она у него потребовала, глупая жадина. Он хотел ей сказать, что уже все заплатил ее сутенеру, но вовремя опомнился. Не стоило ее напрягать.

Евро ей дал кто-то другой, до него. Ну что ж, теперь эти грязные деньги послужат великому чистому делу. Они помогут освободить еще нескольких ангелов.

В ковбойке было два нагрудных кармана. В одном лежали тонкая золотая цепочка с маленьким кулоном – овальный темно-синий камень в золотой оправе и розовая пластмассовая заколка. Цепочку он снял с шеи мертвой самки. Для него не имело значения, что это золото, а камень скорее всего сапфир. Он не грабитель. Когда освобождается ангел, происходит колоссальный выброс энергии. Ей нет цены. Она настолько мощная, что может неживое сделать живым. Ее еще называют биоплазмидом. По сути, это сама жизнь, выраженная в энергетическом потоке. Камень впитал часть биоплазмиды, он был теплым и слегка пульсировал под пальцем.

Заколку Странник нашел, когда чистил салон своей машины. Она никакого смысла не имела, но могла пригодиться. В другом кармане лежало самое главное. Пушистая каштановая косичка, бережно завернутая в бумажный носовой платок. Он развернул, поднес к лицу, втянул слабый яблочный запах детских волос. Его обдало жаром.

Итак, все правда. Еще один освобожденный ангел весело резвится высоко над облаками, в чистом сияющем небе.

* * *

Нина, бледная до синевы, курила и смотрела на деньги.

– Он не давал ей так много, – произнесла она чуть слышно и закашлялась, – а то, что она заработала за клип, сразу потратила на шмотки.

– Может, она копила? – спросил Соловьев.

– Кто? Женя? – подала голос физкультурница Майя. – Это невозможно. Она тратила все, до копейки. Сколько всего вы нашли?

– Пока тысячу четыреста евро.

– Что значит – пока? – Нина загасила сигарету и резко встала.

– Боюсь, придется провести повторный обыск, более тщательный, – сказал Соловьев и взял в руки большого, потрепанного плюшевого медведя.

– Нет! – крикнула Нина. – Это Мика, ее любимая игрушка, она спит с ним, не трогайте! Положите на место!

Мишка был мягкий, рыхлый. Соловьев тут же заметил у него на спинке аккуратный шов. Нитки совсем немного отличались по цвету. Майя молча подала ему маникюрные ножницы. Нина опустила на пол, обняла колени, уткнулась в них лицом. Внутри игрушки была спрятана пачка, завернутая в тетрадный листок и перетянутая резинкой. Десять купюр по пятьсот евро.

Майя громко выругалась и упала в кресло. Что-то пискнуло под ее увесистым крупом. Тут же послышался томный гитарный перебор, и приятный баритон пропел:

На бледной шее девы Ангелины
Мерцают капли крови, как рубины.
В моей руке серебряный клинок.
Ах, Ангелина, как я одинок.

Колонки делали звук таким объемным, что казалось, певец появился здесь, в комнате.

– Кто? Откуда это? Зачем? – Нина вздрогнула и тревожно огляделась.

– Прости. Я нечаянно села на пульт. – Майя выключила стереосистему и посмотрела на Соловьева. – Это Вазелин. Певец такой. Знаете? Женечка его постоянно слушает. Слушала... Боже мой, не могу поверить...

Соловьев вызвал группу. Уже через час сумма выросла до двадцати тысяч. Часть денег обнаружили в потайном кармане зимней куртки, часть под стельками ботинок роликовых коньков.

– Украсть она не могла, – жестко сказала Майя, – я знаю Женю с рождения. Я не мать, всего лишь подруга матери, и мое мнение вполне объективно.

Нина молчала. Пока шел обыск, она сидела на полу, все так же, обняв колени, и на вопросы не отвечала.

– Ну как вы думаете, откуда? – тихо спросил Соловьев.

– Она могла заработать, – Майя пожала мощными плечами, – другое дело, каким образом? Мне сорок лет, у меня два высших образования, я за всю свою жизнь не держала в руках и половины такой суммы.

– Хватит! – Нина резко встала, шагнула к Соловьеву, уставилась на него сухими злыми глазами. – Это мои деньги. Я их спрятала. Женя совершенно ни при чем.

– С ума сошла? – Майя взяла ее за плечи. – Что ты врешь? Зачем?

– Не трогай меня! И вообще, все вы, уйдите, оставьте нас в покое! Не лезьте в нашу жизнь! Разгромили весь дом, испортили вещи моего ребенка. По какому праву? Женечка скоро вернется, а в ее комнату войти страшно, и есть в доме нечего, я из-за вас не успела сходить в магазин. Мне надо купить яблок, свежего салата, орешков.

Она не кричала, говорила четко, монотонно, как автомат. Все, кто был в комнате, застыли, глядя на нее.

– Может, врача вызвать? – шепотом спросил трассолог.

– Это вам надо врача, – Нина холодно усмехнулась, – вам всем, и тебе в том числе, Майка. У вас крыша съехала. Массовое помешательство. Дурдом. Выметайтесь отсюда, быстро!

– Нинула, деточка, послушай, – физкультурница горько всхлипнула и обняла ее, – Жени больше нет, ее убили. Ты сама это знаешь. Ее нет. Ты поплачь, станет легче.

– Да, я поняла, – Нина спокойно отстранилась от нее, – я все поняла. Только пожалуйста, очень вас прошу, уйдите все, и ты, Майка, тоже уйди. Мне надо побыть одной.

Когда группа вышла из подъезда и все стали рассаживаться по машинам, Соловьев вспомнил, что у него кончились сигареты. Ларек был через дорогу. Перебегая на другую сторону, Дима заметил у обочины, прямо напротив подъезда, синий спортивный «Пежо». Небольшая легкая машина выглядела скромно и ничем не выделялась из вереницы автомобилей, припаркованных в переулке. Но стояла такая игрушка около пятидесяти тысяч. Дима обратил внимание на силуэт, который виднелся сквозь тонированные стекла.

Человек сидел на водительском месте. Наверное, ничего особенного в этом не было. Соловьев прошел совсем близко, заметил, что стекла приспущены, сантиметра на три, не больше, и из салона тянет табачным дымом.

«Ну и что? – спросил себя Дима. – Сидит человек в своей машине, курит, может, ждет кого-то или просто отдыхает».

«Пежо» стоял таким образом, что через ветровое стекло можно было наблюдать за подъездом, из которого только что вышла группа.

Сам не зная зачем, Дима нарочно замешкался рядом, стал доставать мелочь из кармана, уронил несколько монет. Пока поднимал, пересчитывал, услышал тихую трель мобильного. Человек в салоне тут же ответил.

– Нет. Я сейчас в конторе. У меня люди. Прости, не могу. Разумеется, она говорит, что меня нет на месте, я попросил ее. Она не врет, а выполняет свои служебные обязанности. У меня важные переговоры. Все, прости, дорогая. И я тебя... Да, да, зайчика, я обязательно перезвоню, как только освобожусь.

У невидимки был низкий, очень солидный голос.

«Какое мне дело до него и до зайчика, которой он врет?» – подумал Соловьев, взглянул на номера «Пежо», дошел до ларька и больше не оглядывался. Покупая сигареты, услышал звук мотора. «Пежо» отъехал и исчез за поворотом.

Дима достал блокнот и записал номер.

Глава четвертая

После того как Борис Александрович случайно наткнулся на жуткие картинки в Интернете, он думал дней десять, что теперь делать? Было несколько вариантов. Первый, самый разумный, – просто забыть. Не лезть в это, не прикасаться к грязи.

Он видел Женю Качалову в школе. Она ничем не отличалась от других детей, но он не мог смотреть на нее, не мог спрашивать на уроках. Образы классической русской литературы, несчастные поруганные создания, от Сонечки Мармеладовой до Лолиты, сосредоточились для него в этой худенькой девочке.

«Ее вынудили, заставили, обманом, шантажом, угрозами, – думал Борис Александрович, – разве трудно обмануть и напугать ребенка? Папа знаменитость, но он ведь не живет с ними. Мама изможденная, нервная. Пьет или больна чем-то. Девочка предоставлена самой себе, в таком сложном возрасте. Она развязна, вульгарна. Конечно, все это от беспомощности, от растерянности перед грубым взрослым злом, которое обрушилось на нее, маленькую. Вдруг я единственный, кто знает? Вдруг ей нужна помощь?»

Самый разумный вариант – забыть и не лезть – стал казаться Борису Александровичу подлюстью. Ему вспомнилась фраза Набокова. «Тайный узор в явной судьбе».

У маленькой девочки, которая сидит за четвертой партой у окна, вовсе не узор, а глумливое чудище скалится сквозь невинное розовое кружево счастливого детства.

«Что, если это чудище сожрет ребенка? Я буду виноват. Я, а не порнограф Марк Молох. Я знал и не помог. Струсил. Не захотел пачкаться».

Второй вариант – связаться с милицией. Он даже нашел в записной книжке телефон одного из своих бывших учеников, который служил в МВД и вроде бы стал майором. Но позвонить не решился. Испугался, что дело получит огласку, девочку выгонят из школы. Позор, пятно на всю жизнь. И опять он будет виноват. К тому же он не верил милиции. Трудно представить, что они не знают о существовании этой мерзости в паутине. А если знают, почему ничего не делают? Не могут? Не хотят? Получают свою долю от грязного бизнеса?

Второй вариант отпадал.

Оставался еще третий – поговорить с мамой Жени. Борис Александрович оставил это про запас и решил сначала поговорить с девочкой. Она сидела на уроке бледная, тихая, у нее были красные воспаленные глаза, лицо осунулось, и он решил, что от слез. Ему хотелось утешить ее, погладить по голове. У него сердце сжималось от жалости. Кто же, если не он, старый учитель, поможет ей? Ему ведь и раньше приходилось помогать ученикам. Это его работа, это главное его назначение в жизни.

Был мальчик, которого Борис Александрович поймал на воровстве в раздевалке. Не стал уличать, не поднял скандала, не донес директору. Просто поговорил. Объяснил. Нашел какие-то правильные слова. И ребенок понял. Никогда это больше не повторялось.

Была девочка, которая состояла на учете в районном отделении милиции как малолетняя проститутка. Ее хотели выгнать из школы. Борис Александрович отстоял ее, узнал, что в семье кошмар, что отчим насилует ее с семи лет, мать спивается. Но нашлась тетка, сестра матери, взяла девочку к себе. Отчима посадили, мать отправили на принудительное лечение. Девочка стала хорошо учиться, выросла нормальным человеком.

Конечно, далеко не всем трудным детям удавалось помочь. Был среди учеников обязательный процент «производственного брака», как выражалась директриса. Воры, наркоманы, проститутки. Но всегда, даже в самых безнадежных случаях, Борис Александрович пытался спасти. Хотя бы пытался. Давал шанс.

– Женя, мне надо с тобой поговорить.

– Да, Борис Александрович. Я вас слушаю.

– Не здесь, не сейчас.

Она слегка удивилась, кажется, испугалась, когда он подошел к ней после урока.

– Что, на педсовете опять обсуждали мою прическу? Но я объясняла, пока новые волосы не отрастут, сделать ничего нельзя, только наголо постричься. Надеюсь, меня не заставят ходить лысой?

– Нет. Дело не в прическе.

– А в чем?

– Я сказал: не здесь и не сейчас.

Она смотрела на него снизу вверх. Он видел тонкие белые проборы между дурацкими косичками, чистый выпуклый лоб, черные, словно колонковой кистью нарисованные брови. Голубые глаза странно, остро блеснули. Как будто она вдруг уличила его в чем-то тайном и стыдном. Или просто показалось? Он нервничал.

– Ну вы хотя бы намекните, что случилось?

– Ты часто пропускаешь занятия. – Он хрипло, фальшиво откашлялся и пожалел, что не выбрал первый, самый разумный вариант.

– Я болею. У меня хронический бронхит. Есть справки от врача.

От ее тона, от жесткого немигающего взгляда исподлобья его зазнобило. Он кожей почувствовал холод, который излучали детские невинные глаза.

«Остановись, пока не поздно! Куда ты лезешь, старый дурак?» – шептала слабенькая интуиция.

«Не будь трусом! Это твой долг, профессиональный и человеческий», – грозно наставляла совесть.

Или, может, это были какие-то другие голоса? В самом деле, откуда человеку знать, кто они и зачем, все эти странные внутренние ораторы, бестелесные, но иногда весьма убедительные?

– Женя, у тебя нет бронхита. Справки липовые. Ты пропускаешь не из-за болезни. Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. Номер твоего мобильного не изменился? Нет? Ну и отлично. Я позвоню тебе, мы встретимся где-нибудь.

Она ничего не ответила, только кивнула.

Он ушел. Слишком поспешно, как будто сбежал. Споткнулся, выронил папку, прижатую локтем к боку. Листочки с изложениями девятого «А» рассыпались по желтому паркету. Хорошо, что сам не растянулся. Вот была бы потеха! Пожилой учитель падает на ровном месте, комично взмахивает руками, брыкает ногами, показывая дешевые носки и безволосые, белые, как вареная курятина, икры.

– Что с вами, Борис Александрович? Вам помочь?

Рядом, как назло, оказалась завуч старших классов Алла Геннадьевна. Она считала, что Родецкий метит на ее место, и постоянно намекала на его возраст. А на последнем педсовете подняла вопрос о том, что некоторым заслуженным и уважаемым коллегам пора думать о пенсии.

– Вы такой красный, тяжело дышите. Вам нехорошо?

Она помогла собрать рассыпанные листки. Он поблагодарил, поправил пиджак и увидел, как в дальнем конце коридора, в толпе детей, мелькнули каштановые косички.

* * *

«Это, конечно, не альпийский курорт, но недельку здесь вполне можно продержаться», – размышлял неизвестный больной, которого прозвали Карусельщиком.

Его устраивала такая кличка. Он чувствовал себя почти невидимкой. Анонимность бодрила. Вряд ли он решился бы так лихо трепать языком в кабинете доктора Филипповой, если бы

ей было известно его имя. Впрочем, он прекрасно понимал, что куражился скорее от страха, чем от прилива бодрости. Вроде как заговаривал зубы, не только доктору, но и себе, своей панике, от которой устал безмерно.

В палату заглянула сестра и позвала:

– Марик! Эй, хватит фокусничать, что ты здесь цирк устраиваешь?

Неизвестный больной вздрогнул, спустил ноги с койки, уставился на сестру. Она смотрела мимо него. Он проследил ее взгляд и увидел, как из-под койки вылезает обритый наголо женоподобный юноша в майке, широких сатиновых трусах в цветочек и на четвереньках, гавкая, виляя задом, словно в трусах у него собачий хвост, направляется к сестре.

«Вот, оказывается, тезка. Пусячок, а приятно. Если бы она знала, что я Марк, я бы у нее тоже стал Мариком. Звучит отвратительно. Еще хуже – Морковка. Был у нас в классе Ваня Марков. Его все называли Морковкой. Гаденький такой, забитый, несчастный. Мне иногда снилось, что я – это он. Я просыпался в холодном поту и бежал к зеркалу, убедиться, что я – это я, а не Морковка. Он сидел за соседней партой, и я боялся на него смотреть. Боялся заразиться его сутулостью, прыщами, убожеством. Ну да черт с ним. Я ведь ничего не помню. Где и от кого родился, в какой учился школе, в какой потом поступил институт. Я аноним, невидимка. Мое прошлое, моя биография – это дико скучно. Зато мое настоящее – это весело. Мне классно здесь и сейчас. Особенно прикольно общаться с фрау доктор. Вчера я попытался растопить ее ледяное медицинское сердце, хотел понравиться этой суке, заинтересовать ее, расшевелить. Но вряд ли получилось. Придется попробовать еще раз. Я завишу от нее. Предложить денег не могу, для этого надо раскрыться. Трахнуть тоже не могу. Неподходящие условия. Впрочем, это как посмотреть. У нее отдельный кабинет, она задерживается до позднего вечера, работает в выходные. Значит, есть проблемы дома. Муж надоел, или она ему надоела. Врачиха в психушке – неплохой вариант. Во всяком случае, нечто новое. Улетный экстрим. Она вполне еще аппетитная телка. Сиськи, попка, все на месте, все натуральное, маленькое, сладенькое. И не подумаешь, что доктор наук».

Тут же перед глазами у него прокрутился почти готовый сюжет короткометражного фильма. Он представил, как классно можно снять порноролик на тему психушки, и самодовольно усмехнулся. Ему нравилось чувствовать себя профессионалом.

Мысленно смонтировав ролик, подобрав музыку, он немного пофантазировал на тему шантажа. Соблазнить строгую докторшу, трахнуть ее прямо в кабинете при скрытой камере и потом увидеть выражение ее лица, когда она узнает, что кассета будет показана ее коллегам, мужу, детям и даже ее больным. Впрочем, что с нее возьмешь? Получает мало, и муж вряд ли олигарх.

Марк рассмеялся про себя, но как-то вяло, без энтузиазма. Какой уж тут энтузиазм, когда загнали на свалку, в гуцу человеческих отходов? Хотя, конечно, это он сам себя загнал. Спрятался. И, надо сказать, придумал весьма оригинальный способ.

– Эй, малахольный, ты чего завтракать не идешь?

Визгливый бабий голос прозвучал у самого уха. Марк опять лег, отвернулся к стене. Нянька трясла его за плечо. Он решил не отвечать. Псих он или нет, в самом деле? Псих имеет полное моральное право молчать и говорить, когда ему хочется, а не когда от него этого ждут.

* * *

Дима Соловьев ненавидел секционный зал и каждый раз, отправляясь к судебным медикам, с трудом преодолевал желание выпить. Выпивал он обязательно, однако не до, а после. За упокой чьей-нибудь души. Плоская маленькая фляга с коньяком лежала во внутреннем кармане куртки.

В старом здании медицинского института морг был старый, столы не цинковые, а мраморные. Школа, в которой учился Дима, находилась в соседнем переулке. В пятом классе единственный второгодник, легенда и беда школы Петька Чувилин потащил после уроков самую красивую и тихую девочку в классе Олю Луганскую за руку по проходнякам, таинственно повторяя: «Чего покажу, чего покажу!» Дима, конечно, побежал следом. Оля нравилась Чувилину, но Диме она нравилась еще больше. С первого класса.

Был май, очень жаркий. Здоровяк Петька взмок и шумно пыхтел. Ранцы хлопали по спинам. Солнце слепило. Они пролезли через дыру в заборе и оказались в незнакомом асфальтовом дворе. Перед ними высилось мрачное старинное здание из темно-красного кирпича.

«А теперь закройте глаза!» – сказал Петька. Взял их обоих за руки и повел дальше вслепую.

Сначала они услышали песню в исполнении Кристалинской «На тебе сошелся клином белый свет». Потом смех и веселые голоса. Петька остановил их и завопил: «Сюрприз!»

Они не сразу поняли, в чем дело. Они стояли у широкого полуподвального окна. Окно было раскрыто настежь. Внутри огромный зал, кафельные стены, в глубине стеклянные шкафы с большими склянками, заполненными жидкостью, и там, в этой жидкости, плавало нечто непонятное, но кошмарное. Прямо под окном стол. На столе – голый человек с распоротым животом. У его ног два парня в зеленых халатах ели булочки с маком и запивали молоком из треугольного пакета. Рядом девушка, тоже в зеленом халате, красила ногти вишневым лаком и подпевала Кристалинской: «Я могла бы, только гордость не дает». Желтая «Спидола» стояла на широком мраморном подоконнике. Петька держал Диму и Олю за затылки своими огромными ручищами и ржал.

– Ну что, ребята, охота посмотреть? Заходите, не бойтесь! – крикнул им один из парней.

Они одновременно вывернулись из-под Петькиных лап и рванули прочь, не разбирая пути. Сами не зная как, отыскали дырку в заборе. Оля упала, разбила коленку. Дима нашел для нее лист подорожника и вымыл его газировкой из автомата.

Трупы на столах долго ему снились. Кроме мужчины, там была женщина, очень толстая. Из ее ног торчали какие-то провода. Иглы были воткнуты прямо в кожу. Оля потом рассказала, что вообще не могла спать, хотя должна была реагировать спокойней. У нее мама врач, сама она собиралась стать врачом, и значит, ей придется работать в анатомичке, резать трупы, как тем ребятам в зеленых халатах.

Въезжая на стоянку перед зданием института, следовательно Соловьев в сотый раз, наверное, вспомнил ту историю. Прошло больше четверти века, столько всего страшного пришлось видеть ему, а все мерещатся детские кошмары.

В машине, на волне «Радио ретро», пела Кристалинская: «Сколько зим, ты тихо скажешь, сколько лет...»

Петька Чувилин уехал в Америку. Говорят, преуспевает, владеет несколькими ресторанами в Майами. Оля Луганская стала Филипповой Ольгой Юрьевной, врачом психиатром, доктором медицинских наук. У нее двое детей, Андрюша и Катя, замечательный муж Александр Осипович, историк. А что касается Димы, то у него вообще все отлично. Старший следователь по особо важным делам, Соловьев Дмитрий Владимирович. Дважды разведен. Сын Костик семнадцати лет, в этом году оканчивает школу, собирается поступать в университет на юрфак. Живет с мамой и отчимом. К отцу приезжает на выходные и на каникулы. Что еще? Есть близкая подруга, Любовь Петровна. Любочка. Эксперт-графолог. Красивая, умная. Двадцать восемь лет. Отлично готовит. Роман тянется уже четвертый год, пора бы узаконить отношения.

– Женись, – сказала Оля, когда они виделись в последний раз. Сидели в кафе на Неглинной, пили ее любимый «Токай». – Женись на Любочке. Она такая славная.

«И ты мне еще даешь советы? А знаешь ли ты, что вся моя жизнь пошла кувырком из-за тебя?»

Он, конечно, не сказал этого вслух. Зачем?

«Я могла бы побежать за поворот».

Сейчас опять вошли в моду песенки шестидесятых, простые и чистые. Не то что нынешний шальной коммерческий ширпотреб, мертвая «фанера», ни мелодий, ни текстов, ни лиц человеческих.

– Димка, да ведь это старость, – сказала Оля в ту их последнюю встречу.

Он поделился с ней, что время стало нестись в никуда, с дикой скоростью, что, кроме работы, уже ничего не интересно и трогает только все прошлое – песни, фильмы, книги. А настоящее раздражает и кажется чужим, холодным.

– Не застревай в прошлом, – посоветовала Оля, – еще немного, и ты станешь старым нудным брюзгой.

– Уже стал. Смотри, я седой совершенно.

– Тебе идет. И вообще, прекрати говорить о старости. Мы с тобой ровесники, между прочим.

– Ты совсем не выглядишь на свой возраст, Оленька.

– Ага. Я моложавая старушка. Ладно, Димка. Хватит ныть. Вон, Гущенко Кириллу Петровичу под шестьдесят, а смотри, какой мощный интеллект, сколько энергии.

– Да уж, прямо генератор. Батарейки продолжают работать, работать, работать...

Оля посмотрела на него грустно и ласково. Они чокнулись, допили «Токай».

«На тебе сошелся клином белый свет».

Дима выключил радио, вылез из машины. Перед ним было мрачное старинное здание института. Ничего не изменилось. Немытые окна, толстые закопченные стены из темно-красного кирпича. Только дверь поставили железную, с кодовым замком, сменили забор, теперь никаких дырок нет. У ворот посадили сонного охранника. Вряд ли забегут сюда дети из соседней школы. Ну и хорошо, и правильно. Им, нынешним, и так хватает кошмаров.

Женя Качалова лежала на том самом столе у окна. Андрей Короб, судебный медик, сидел рядом и ел гамбургер из «Макдоналдса». Рот его был в кетчупе.

Нельзя называть труп по имени. Дима столько раз одергивал себя, и вот опять. Женя Качалова. Ребенок. На два года младше его сына. Хотела стать моделью. Питалась яблоками и орешками. Снялась в клипе. Прятала деньги в игрушках. Слушала песни какого-то Вазелина.

– Беременность, семнадцать недель. Мальчик, – сообщил Короб с набитым ртом.

– У кого? – спросил Соловьев.

– Ну не у меня же!

– Погоди, она совсем ребенок.

Короб доел свой гамбургер, допил колу, вытер губы и закурил.

– Да, что-то вроде матрешки. Ребенок. Девочка. А внутри еще один ребенок. Крошечный мальчик. Кстати, вполне здоровый эмбрион, несмотря на юный возраст несостоявшейся мамочки. Слушай, Дима, правда, что она дочь певца Качалова?

– Правда. Но они не живут вместе. У Качалова шесть детей от разных жен.

Короб хмыкнул, покачал головой.

– Силен мужик. Теперь уже не шесть, а пять. Одним ртом меньше.

– Это ты к чему? – слегка удивился Соловьев.

– Так... гнусные мысли вслух. Ладно, вернемся к нашей бедной малютке. Масло на коже и на волосах. Смотри, что я хотел тебе показать. – Он натянул перчатки, подошел к столу, провел рукой по волосам девочки. – По-моему, тут ножницами отхватили прядь. Срезали косичку, видишь?

– Вижу, – кивнул Соловьев.

– И еще, здоровая гематома на затылке. То есть он оглушил ее ударом тяжелого тупого предмета по голове. Камнем, что ли? Возможно, не ударил, а бросил. И попал.

– Бросил сзади, в затылок, – пробормотал Соловьев, – она пыталась убежать, но уже было поздно. Наверное, она и крикнуть успела. Но никто не услышал. У него заранее был заготовлен камень? Или он подобрал по дороге?

– Не факт, что именно камень, – покачал головой Короб, – повреждение возникло от действия предмета с ограниченной гладкой ударяющей поверхностью. То есть это точно была не доска. И не кирпич. От кирпича обязательно остается пыль в волосах и на коже. Молоток, гирька какая-нибудь. Ничего подходящего на месте преступления так и не нашли?

– Нет. Вроде бы нет. Подобрали несколько булыжников среднего размера, сразу же исследовали в лаборатории, но они чистые.

– Может, он прихватил с собой какую-то ритуальную дрянь? Статуэтку божка, например? У тех троих, помнишь, тоже имелись гематомы на затылке. Почерк похож, а? Ударил, задушил, раздел, облил маслом, но не изнасиловал. И пряди у тех троих тоже были срезаны. А из вещей ничего не пропало. При трупах нашли полный комплект одежды, включая нижнее белье.

– На этот раз пропала золотая цепочка с сапфировым кулоном. Отец ей подарил на день рождения. – Соловьев тяжело вздохнул и отвернулся.

– А, кстати! – Короб поднял вверх указательный палец и сморщил лоб. – У тех троих детишек тоже никаких украшений не оказалось. Но я уверен, они что-то носили. У девочек уши были проколоты, и в пупках дырки.

– Женя Качалова могла потерять свой медальон еще до встречи с убийцей, – медленно произнес Соловьев, продолжая глядеть в одну точку.

– Ничего она не теряла. Он снял.

– Почему сережки в ушах оставил? Они ведь золотые.

– Они без камней.

– При чем здесь камни? – Соловьев наконец посмотрел на Короба и увидел, какое у того стало странное, печально задумчивое лицо.

– А хрен его знает, – пробормотал Короб после долгой паузы и, как будто опомнившись, выбил сигарету из пачки, ловко поймал ртом, шелкнул зажигалкой.

– Часики дорожные, «Картъе», не тронул, – сказал Соловьев и тоже достал сигарету.

– На фига ему часики? – Короб дал Соловьеву прикурить. – Он не грабит детей, он их даже не трахает. Просто раздевает, бьет по голове и душит руками. Не грабитель он, понимаешь? Не насильник. Миссионер. Миссия у него. Права твоя Филиппова.

Последние слова Короб проворчал себе под нос, совсем тихо. Соловьев ничего на это не ответил. Несколько секунд оба молча курили, не глядя друг на друга. Наконец Короб произнес:

– Дима, ведь это опять он.

– Кто?

– Молох. Ну что ты на меня так смотришь?

Серийному убийце, который убивал детей полтора года назад, дали кличку Молох, с легкой руки Ольги Юрьевны Филипповой. Ее версию никто не принял всерьез. А кличка прижилась.

Оля обнаружила в паутине порнографа, который работал под псевдонимом Марк Молох, и уверяла, что он как-то связан с убийствами. Конечно, порнографа попытались вычислить, но сайт был зарегистрирован за границей. Вступили в диалог в чате, договорились о встрече. Оперативник сыграл роль покупателя детского порно, продавец не появился. Потом еще какое-то время им занимался специальный отдел по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, но безуспешно.

Молох до сих пор торгует своей продукцией, вместе с тысячами таких же ублюдков, производителей детского порно. Россия, между прочим, занимает по количеству порносайтов второе место в мире после США. Видеопродукцией и живыми детьми пользуются педофилы из Англии, Франции, Италии. Специально к нам приезжают даже из Штатов, хотя они на первом месте. Но у нас это дешевле и безопасней.

– Твоя Филиппова говорила о детском порно, помнишь? Так вот, здесь есть еще одна деталь. У этой девочки, как у тех, предыдущих, полностью выбрит лобок. Вполне возможно, это действительно дети из порноиндустрии. Ты звонил ей?

– Кому?

– Ольге Юрьевне. Я бы позвонил на твоём месте.

– Зачем? Она больше не занимается этим.

– Жаль. Психиатры такие нудные, а она фантазерка. С ней было интересно.

* * *

Марк потихоньку достал из тумбочки чужой яблочный сок, отодрал зубами уголок пакета и выпил. За завтраком он ни к чему не притронулся. Сидел и смотрел, как жрут психи. Потом вернулся в палату, улегся на свою койку, вжался лицом в подушку, с тоской вспоминая свиные ребрышки, салат из рукколы, крем-карамель. Как же вкусно он ужинал в тихом ресторане «Парус». Как чудесно он ел! Даже присутствие наглой парочки наблюдателей не испортило ему аппетит.

Его вели не от дома, а от тех мест, где он встречался с клиентами. Парк культуры, площадь Белорусского вокзала. Как узнавали место и время? Прослушивали телефон? Но клиентам он звонил только из уличных автоматов. Милиция? Нет, они работают иначе, изображают покупателей и берут с поличным.

Когда-то он чуть не попался именно таким образом. Пришел на встречу, понаблюдал издали за клиентом и почти сразу расшифровал мента. Человек, ждавший его, выглядел слишком здоровым и спокойным. Он выглядел как мужик с абсолютно нормальной половой ориентацией. Настоящий педофил нервничает и трусит, особенно когда приходит на первую встречу. Но главное, он не провожает взглядом взрослых красоток.

Был конец июля, жара. Девушки оголились, Москва стала похожа на бесконечное предисловие к пляжу, к набережной какого-нибудь популярного курорта. Дрожь слоистого воздуха над асфальтом, нарядная голубизна неба, голые ноги, плечи, спины. Медовый, горячий глянец женской кожи, оттененной условными полосками белого льна и линялой джинсы. Кажется, вот сейчас, за поворотом, за рядами домов, засияет россыпью солнечных бликов упругая морская гладь. Город млел и томился, таяло мороженое, шипели разноцветные напитки на белых столиках уличных кафе. Миляга мент глазел на раздетых красоток машинально, не отдавая себе в этом отчета.

Оставалось быстро скользнуть в метро, так и не появившись в поле его зрения.

С тех пор Марк стал значительно осторожней. Прежде чем встретиться с клиентом, вел с ним долгие переговоры в чате. Анализировал построение фразы, лексику, уровень эмоционального напряжения. Затем, являясь на встречу, долго наблюдал за клиентом. Прислушивался к своей интуиции. При малейшем подозрении исчезал. Все шло отлично. Ни одного прокола.

И вот, почти через два года, на него открыли настоящую охоту, его обложили со всех сторон. Уже не менты. Кто-то другой.

В палату вернулся сосед, уселся на койку и забормотал:

– Не могу, не могу, не могу!

Фамилия его была Никонов. Марк успел узнать, что он академик каких-то там сельскохозяйственных наук, недавно развелся со старой женой, женился на своей секретарше, роскошной блондинке Наташке, моложе него на двадцать лет. Поссорился с двумя взрослыми детьми, даже внуки с ним не общались. Но ему, кроме Наташки, никто не был нужен.

– Наташенька, – повторял он, – девочка моя, красавица.

А потом опять заводил волюнку:

– Не могу, не могу, не могу!

Марк затыкал уши, сглатывал горькую слюну и морщился. Очень хотелось принять горячий душ, почистить зубы, выпить крепкого кофе, выкурить сигарету. Через несколько минут в голове у него стало звучать, повторяясь бесконечно, как на испорченном диске: «Не могу, не могу, не могу!» Старик Никонов давно замолчал, ушел в коридор, а оно все звучало.

Глава пятая

Если бы можно было из одной временной точки провести линию в другую временную точку и по этой черте, как по канату, вернуться к себе, двадцатилетней! Ольга Юрьевна живо представила медленное цирковое скольжение над таинственной бездной. У нее закружилась голова, и руки вздрогнули, как будто захотели подняться, раскинуться, чтобы удержать равновесие.

«Прекрати! Ты уже седая, хватит ходить по канату. Хочешь вернуться в свои двадцать лет? Как говорит твоя разумная мамочка: “Оля, сформулируй, чего ты хочешь в данный момент, и поступай с точностью до наоборот”».

– Ольга Юрьевна, вы меня слышите?

Доктор Филиппова тряхнула головой, одернула полу халата, допила остывший кофе. Она сидела в кабинете главного врача.

Герман Яковлевич, коренастый пятидесятилетний брюнет, хмуро смотрел мимо нее. Брови росли у него густо, в разные стороны. Щетина на щеках и подбородке отливала синевой. Из кончика носа торчал толстый длинный волос, закрученный как вопросительный знак. Под халатом темнел треугольник пуловера, надетого прямо на голое тело, и вместо воротничка рубашки из-под пуловера лезла черная шерсть.

«Опять с женой поссорился», – отметила про себя Оля.

Когда у Германа Яковлевича царил мир в семье, вопросительный волос из кончика его носа не торчал. Жена выдерживала. А под пуловер всегда была надета рубашка с чистым отглаженным воротничком.

Оля мысленно продолжала балансировать над таинственной бездной. Путь из точки «В» в точку «А» на этот раз казался подозрительно коротким и легким. В точке «А» ей было двадцать лет, и она имела возможность все переиграть. Направить свою последующую жизнь в другое русло. Может быть, неправильное, кривое, но кто сказал, что все должно быть правильно и ровно? За каждый свой необдуманный поступок мы несем ответственность не только перед собой, но и перед близкими. Кто сказал? Мама, конечно. Шаг вправо, шаг влево – побег. Расстрел на месте, без предупреждения.

Сформулируй, чего ты хочешь, и поступай с точностью до наоборот.

Каждый раз, поступая по-своему, Оля чувствовала себя виноватой. Но, поступая по-маминому, чувствовала себя несчастной. Две крайности. Посередине натянут канат. Надо уметь пройти по нему и не сорваться.

– Ольга Юрьевна, я повторяю вопрос: вы уверены, что достаточно внимательно прочитали статью Егора Петровича?

Главный был в дурном настроении. К ссоре с женой прибавились другие проблемы, наверное, для него более серьезные.

– Да, Герман Яковлевич, я прочитала и вернула автору.

Автор сидел тут же. Рыхлый молодой человек, с лицом раскормленного младенца и голубыми кукольными глазами. На запястье блестели крупные золотые часы, украшенные россыпью бриллиантов. Звали его Егор Петрович Иванов. Знакомя с ним Олю дней десять назад, главный шепотом, на ушко, пояснил, что Иванов он по матери. Отец у него... Тут главный прикусил язык, спохватился и фамилию отца не назвал. Сказал, что это очень, очень влиятельный человек, на уровне олигарха, но только не из тех, которых сегодня сажают.

Далее Ольге Юрьевне вручили тонкую папку и объяснили, что здесь находится фундаментальный труд, созданный Ивановым по матери. Труд должен выйти в одном уважаемом научном издании. Егор Петрович, кандидат наук, готовит докторскую диссертацию, и для успешной защиты ему необходимы весомые публикации. Тема, выбранная им, близка

и знакома доктору Филипповой, и не будет ли Ольга Юрьевна так любезна, не поможет ли молодому талантливому коллеге в подборе иллюстративных материалов, которые нужны ему не только для статьи, но и для самой диссертации.

Тема была действительно знакома и близка Оле. «Депрессивно-параноидный синдром на фоне посттравматических церебрастенических психопатоподобных состояний». Текст, который она прочитала, представлял собой набор цитат, без кавычек, без намеков на ссылки.

Оля хотела сразу сказать главному, что тут нет никакой научной статьи, что автор ни черта не понимает не только в этой теме, но и вообще в психиатрии, и невозможно представить, каким образом ему удалось стать кандидатом наук. Но главный укатил на симпозиум. Единственное, что Оля сделала, это расставила кавычки, обозначила в сносках имена авторов, у которых Иванов по матери наворовал куски, благо это было несложно. Молодой талантливый коллега, не мудрствуя лукаво, пользовался только одним источником – учебником судебной психиатрии для студентов медицинских вузов под редакцией профессора Дмитриева. Оля положила папку с научным трудом в ящик и занялась своей обычной работой.

Сын олигарха позвонил ей домой пару дней назад в девять вечера. Оля долго не могла понять, кто это. Талантливый молодой коллега застал ее не в самый удачный момент. Дочь шумно требовала проверить изложение по английскому. Муж рассказывал, как сегодня по дороге с работы стал свидетелем хулиганской атаки бритоголовых в метро. Сыну срочно понадобился телефон. А сама Оля жарила рыбу к ужину и старалась перевернуть ее таким образом, чтобы не обжечься брызгами масла.

– Вы прочитали мою статью? – спросил Иванов по матери.

– Да.

– Вы подобрали для меня примеры из практики?

Оля поперхнулась от такой наглости, но решила, что, если пустится сейчас в долгие объяснения, рыба сторит, и предложила молодому коллеге зайти к ней завтра.

На следующее утро к ней явилась миловидная девушка, сказала, что она от Егора Петровича, и забрала папку. А потом вернулся главный с симпозиума и вызвал Олю к себе в кабинет, где уже сидел молодой коллега в бриллиантовых часах, ковырял в зубах зубочисткой и косился голубым кукольным глазом то на папку, которая лежала перед ним, то на Олю, то на главного.

– Я не понял, что вы мне здесь понаписали, – сказал он и убрал зубочистку в нагрудный карман пиджака, – я не нашел ни одного примера из практики.

– А я не поняла, какого рода примеры вам нужны, о чем здесь вообще речь. Вы использовали чужие тексты, даже не потрудившись подумать, имеют ли они отношение к вашей теме. Не говоря уже о том, что, цитируя, надо ставить кавычки и называть источники. Что, собственно, я и сделала. Ваш единственный источник – вузовский учебник судебной психиатрии под редакцией профессора Дмитриева А. С.

Она продолжала говорить, при этом все еще балансируя на невидимой линии, проведенной из точки «В» в точку «А». Она думала о своем бывшем однокласснике Диме Соловьеве. Это не имело ни малейшего отношения к тому, что происходило сейчас в кабинете главного.

«Я должна позвонить следователю Соловьеву и рассказать ему о Карусельщике. Это важно. Детское масло. Лес у шоссе. Я должна срочно позвонить Диме. Встретиться. Поговорить. Никто, кроме Димы, не верил мне полтора года назад и не поверит сейчас. Никто, кроме Димы...»

Она испугалась, что произнесла последние три слова вслух, и машинально прижала ладонь ко рту. Главный воспринял этот жест по-своему.

– Вы плохо выспались? Или хотите показать, как вам с нами скучно, и все время зеваете?

– Я ничего не хочу показать. Извините. Я правда не выспалась.

Ольга Юрьевна зажмурилась, одним прыжком вернулась из точки «А» в точку «В». Диме Соловьеву надо позвонить в любом случае. У Карусельщика сняли отпечатки пальцев, его про-

веряют через поисковую систему МВД. Без вмешательства следователя Соловьева такая проверка займет минимум месяц. Дима может ускорить процесс. Впрочем, вряд ли это что-то даст. Доктор Филиппова почти не сомневалась, что Карусельщик никогда не привлекался к уголовной ответственности и отпечатков его пальцев нет в архивах МВД.

– Если вы так хотите спать, могу предложить вам еще кофе, – проворчал главный.

– Нет, спасибо. – Оля заставила себя любезно улыбнуться. – Герман Яковлевич, скажите, а вы сами читали этот труд?

– Да, – кивнул главный, и вопросительный волос у него на носу задрожал, – конечно, работа сырая, можно сказать черновик, наброски, но я ведь потому и обратился к вам, Ольга Юрьевна. Я ждал, что вы как опытный врач поможете молодому коллеге, подскажете, посоветуете. Для диссертации ему не хватает примеров из практики, а без них ему трудно выстроить основную, так сказать, генеральную линию своего исследования.

Волос-вопрос продолжал дрожать. Главный смотрел на Олю такими же кукольными глазами, как Иванов по матери, только карими.

Они оба хотели, чтобы доктор Филиппова написала за сына олигарха сначала статью, а потом и всю диссертацию. Интересно, сколько молодой коллега заплатил за это главному? Но еще интересней, какую сумму Иванов по матери планирует отстегнуть для нее? Судя по всему, пока он настроен на халяву. Они оба, умные, трезвые, деловые мужики, считают ее идиоткой. Ну что ж, флаг им в руки.

Впрочем, наверное, сын олигарха не исключает варианта, при котором она заговорит о деньгах. Если она сейчас спросит «сколько», он назовет сумму. Но сам не предложит ни за что. Зачем же предлагать, когда не спрашивают? Он ведь умный. Вдруг она, ученая дура, согласилась бы поработать на него бесплатно, из чувства профессиональной солидарности?

– Герман Яковлевич, а почему бы вам самому не помочь молодому коллеге выстроить генеральную линию? – спросила она вкрадчиво.

– Оля, ну вы же знаете, я администратор. Я давно не занимаюсь ни наукой, ни практикой. К тому же у меня совершенно нет времени.

– А у меня есть, – она широко улыбнулась, – у меня куча времени, я просто не знаю, куда его деть. Я готова помочь молодому коллеге в работе над диссертацией. Я готова сделать это бескорыстно, бесплатно. Он станет доктором наук и будет лечить больных. Психиатрия – это, конечно, не хирургия, на столе он никого не зарежет...

– Нет-нет! – перебил ее главный и даже руками замахал. – О лечении больных речи не идет, разве можно? За кого вы меня принимаете, Оленька?

– Что вы этим хотите сказать? – Иванов по матери опомнился, вышел из своей сытой спячки и вытаращил кукольные глаза.

Главный густо покраснел, закашлялся, стал суетливо искать платок. Потом сморкался долго и громко, бормотал что-то о весенней простуде, наконец пришел в себя и произнес важным низким голосом:

– Егор Петрович в будущем намерен заниматься исключительно научно-исследовательской и преподавательской работой. – Он вытер вспотевшее лицо и так преданно улыбнулся Иванову, что Олю затошнило.

«Вот и будешь ты до старости ездить на метро, ибо твоя машина уже труп, жить в тесноте, экономить на электричестве, на еде, на одежде, – сказала себе Оля, – конечно, так и будешь. Твоя беда не в том, что ты сейчас собираешься этих двух умных мужиков вежливо послать в задницу. Просто в научном мире так все устроено. Человек, который способен самостоятельно написать диссертацию, почему-то никогда не становится богатым. Шикарные машины, квартиры, дома и прочие радости достаются тому, кто способен заказать себе сначала кандидатскую, потом докторскую. И ни разу не покраснеть».

– Извините, мне пора. Всего доброго. – Она встала и вышла из кабинета.

Они ничего не ответили. Она не сомневалась, что, как только за ней закрылась дверь, сын олигарха грязно выругался в ее адрес, а главный стал услужливо предлагать ему других бесплатных ученых идиотов.

«Зато здесь не приходится работать с маньяками, насильниками, серийными убийцами», – утешалась Оля, пока бежала через больничный сквер к своему отделению.

* * *

Борис Александрович говорил с Женей Качаловой в среду. В четверг она не пришла в школу, пятницу тоже пропустила. В воскресенье Борис Александрович решил набрать номер ее мобильного. В трубке слышался грохот, смех. Она сказала, что не может сейчас говорить и перезвонит позже. Он ждал. Она не перезвонила. Он еще раз набрал номер.

– Ну, ладно. Хорошо. Давайте в половине десятого в скверике за казино. Знаете, где это?

До сквера было десять минут неспешным шагом. Но собираться он начал за час. Все у него валилось из рук.

«Боря, ты решил ступить на чужую территорию», – произнес тихий печальный голос жены, когда он наткнулся взглядом на ее фотографию.

«Боренька, там нет понятий добра и зла. Там все дозволено. Остановись. Никуда не ходи. Ты там чужой и не знаешь, что может с тобой случиться» – это шептала мама. Он смотрел на двойной портрет и думал, что просто сходит с ума.

Женя опоздала на пятнадцать минут. Он увидел ее издали и еще раз отметил, что она выглядит значительно младше своего возраста. Больше двенадцати не дашь. Курточка, джинсы, сапожки. Наверное, все это ей покупала мать. Издерганная, длинная, болезненно худая женщина. Бывшая жена эстрадной звезды. Всезнающие учительницы говорили, что у Качалова около дюжины бывших жен и детей.

– Ну я вас слушаю. Только, пожалуйста, если можно, быстрее. У меня очень мало времени.

– Женя, как, почему это с тобой случилось? Тебя заставили? Кто-то угрожает, шантажирует? Тебе нужна помощь?

– Я не понимаю, о чем вы? Я... вы...

Она, кажется, волновалась еще больше него, говорила очень тихо, все время нервно облизывала губы и вдруг выпалила:

– Борис Александрович, вы уже проверили сочинения? Там...

– При чем здесь сочинения? Нет. Твое я еще не проверял.

Где-то рядом просигналила машина. Два коротких гудка, один длинный.

– Да? Точно? – Она как будто вздохнула с облегчением и тут же спохватилась, взглянула в сторону невидимой машины. – Я, понимаете... Я сейчас ужасно спешу... Борис Александрович, простите. – Она хотела убежать, но он взял ее за локоть.

– Женя, ты снимаешься в детском порно.

– Что? – Она вырвала руку, отпрянула.

– Ты меня отлично поняла. Я видел тебя. В Интернете сайт порнографа Марка Молоха.

Гудки повторились. Два коротких, один длинный. Женя посмотрела туда, где просвечивали сквозь голый темный кустарник огоньки фар. Она топталась на месте, нервно, нетерпеливо, как стреноженный жеребенок.

– Вы с ума сошли. Вы обознались. Это полный бред. Слушайте, а вы что, лазаете по порносайтам? Вам это интересно?

Они так стояли, что фонарный свет бил ему в глаза. Он не мог видеть ее лицо. Но голос звучал гадко, визгливо. Она, конечно, нервничала и дико злилась.

– Нет, Женя. Мне не интересно. Но этой мерзостью Интернет переполнен. Я попал на сайт случайно, нажал не ту кнопку.

– Вы обознались, Борис Александрович, – она говорила быстрым нервным шепотом, она была почти в истерике, – просто вас тянет к девочкам, вам хочется, но вы боитесь. Как же! Заслуженный учитель России, уважаемый человек, гордость школы. Кстати, я давно заметила, как вы пялитесь на меня. Залезли в порнушку, увидели какую-то девочку и приняли желаемое за действительное. Среди учителей больше всего педофилов, специально выбирают такую работу, поближе к детям!

Опять гудки. Фары за кустами вспыхнули ярче. Женя быстро посмотрела туда, где пряталась машина, потом на старого учителя. У него сердце колотило все настойчивей, боль отдавалась в левой руке. К тому же начинался приступ астмы. Он закашлялся, полез в карман за баллончиком.

– Вы больны. Вам надо лечиться, ясно? Вас нельзя подпускать к детям. Вы приглашаете заниматься к себе домой. Живете один. Денег берете совсем мало. Представляете, что будет, если я пушу слушок по школе, что вы приставали ко мне?

– Женя, но это ложь! Как тебе не стыдно? – Голос его звучал смешно и жалобно. – Разве я в чем-то виноват? Я просто хотел помочь тебе. Я не сообщил в милицию, не поставил в известность директора школы, даже маме твоей не стал звонить. Я дал тебе шанс...

– Знаете, кто мой папа? Он вас уничтожит.

Машина просигналила еще раз, громко и настойчиво. Женя вздрогнула, огляделась и побежала вон из парка.

– Вы обознались, понятно? И не лезьте ко мне никогда! Старый педофил! – Это были последние ее слова.

Борис Александрович опустился на скамейку. Боль в сердце стала невыносимой. Он услышал, как за оградой хлопнула дверца машины, потом звук мотора, быстрый проблеск фар сквозь кустарник.

«А ведь я правда мог обознаться», – думал он, хватая ртом ледяной вечерний воздух.

Ему было так худо, что он не решался встать со скамейки и сидел очень долго, мерз, пытался мысленно поговорить с покойной женой и даже, наверное, хотел умереть, уйти к ней, к маме, к отцу, к деду. Такое было ужасное чувство, что не только родные, любимые, но просто все хорошие люди уже давно на том свете, а на этом только одно зло, лютый холод, грязь, боль и одиночество.

Он сидел до тех пор, пока не подошла к нему незнакомая пожилая женщина и не отвела домой. Жалко, что он не спросил, как ее зовут.

Глава шестая

– Николай Николаевич, вам жена звонила трижды, потом из банка, по поводу рекламы. У них какие-то претензии к рекламному отделу. И еще звонили от Лаврентьева, уточняли, будет ли сегодня встреча. Я все подтвердила. Они появятся здесь через пятнадцать минут. – Секретарша улыбнулась, помахала накрашенными ресницами. – Чаю хотите?

– Нет, Настя, спасибо, не хочу. Больше никто не звонил?

– Вроде нет, – она нахмурилась, тронула страницу настольного ежедневника, – точно, больше никто. Я всех записываю. Ждете какого-то конкретного звонка?

Он не ответил, неопределенно махнул рукой и скрылся за двойными дверьми своего кабинета. Здесь он чувствовал себя лучше, чем дома. Не надо было напрягаться, играть роль любящего верного мужа. Здесь все было, как ему хотелось. Увлажненный озонированный воздух. Полный набор отличной офисной мебели. Огромный стол темного дерева, буквой «т». Кресла, обитые натуральной кожей цвета горького шоколада. Уголок для отдыха и неофициальных бесед, отгороженный стеной вьющихся растений. Там диван, кресла, круглый журнальный столик. Чистота, строгость, ничего лишнего.

Николай Николаевич снял куртку, повесил в шкаф на плечики. Машинально пригладил короткие седые волосы перед зеркалом, провел пальцами по колючей щеке. Щетина росла у него быстро, бриться приходилось два раза в сутки. Тяжелое заросшее лицо в зеркале не понравилось ему. Мешочки под глазами, мрачный затравленный взгляд.

Он не завтракал сегодня. Поднялся в семь утра, быстро принял душ, оделся, не стал вызывать шофера, сказал жене, что позавтракает в конторе, сел в машину, часа полтора кружил по городу, пытаясь обмануть себя. Включал радио, слушал финансовые новости, даже делал какие-то выводы и строил прогнозы по старой профессиональной привычке. Но ничего не помогало. Его магнитом тянуло в тихий переулок в районе Сокольников, к панельной девятиэтажке.

Ему не следовало там появляться. Это было опасно, глупо, нелогично. Стоя в небольшой пробке на Комсомольском проспекте, он подумал, что сейчас доедет до поворота, развернется к центру, по дороге остановится у какого-нибудь тихого дорожного кафе, вкусно позавтракает и потом отправится в свой офис. Он был уверен, что поступит именно так, но поступил наоборот. Когда пробка рассосалась, он двинулся дальше, миновал Красносельскую и опомнился в том самом переулке.

«Все кончено, – бормотал он, едва шевеля пересохшими губами. – Я свободен. Я здоров. Это ведь была болезнь, верно? Два года опасного помешательства. Два года патологической любви, дикого риска, шпионской конспирации, невозможного счастья. Женя, Женечка, жизнь моя, смерть моя, маленькая циничная дрянь».

Без малого три часа он просидел в машине, за темными стеклами, напротив девятиэтажки, наблюдая за подъездом. Курил натошак, сглатывал слезы, сморкался, слушал стук своего сердца и голодное урчание в животе. Не отрываясь, смотрел на подъезд. Грязный панельный дом, железная дверь в разводах граффити, сломанный домофон, даже воздух в переулке – все было связано с ней, пропитано ее дыханием, озвучено эхом ее голоса, легким быстрым стуком ее шагов.

К дому подъехал милицейский «микрик», припарковался возле казенной черной «Волги». Из «микрика» вышли трое в штатском и скрылись в подъезде.

«Там около сорока квартир, – сказал он себе, – мало ли к кому приехала милиция?»

Позвонила жена, он растерялся, испугался, как будто она могла догадаться о чем-то по его голосу. Впрочем, звонок отрезвил его, словно ушат ледяной воды вылили на разгоряченную голову. Он отправился в контору.

Представители пресс-службы политика Лаврентьева, главы думской фракции «Отчизна», явились на пять минут раньше. Николай Николаевич не успел привести себя в порядок, хотя бы изменить выражение лица, и первый вопрос, который ему задали, был о здоровье. Не заболел ли? Сейчас в Москве опять эпидемия гриппа.

Их было двое. Маленький лысый мужчина с усами и высокая худая женщина, похожая на постаревшую манекенщицу. Именно она участливо спросила о его самочувствии и несколько дольше, чем следовало, задержала его руку в своей, когда здоровалась. Он всегда нравился таким женщинам, к этому же типу относилась его жена.

Политик Лаврентьев Василий Сергеевич готовился к выборам.

Бывший дипломат, ныне председатель правления ЗАО «Медиа-Прим» Зацепа Николай Николаевич лично вел переговоры по таким крупным заказам. Предвыборная кампания не могла обойтись без косвенной рекламы в глянцевых журналах с миллионными тиражами. Интервью, развороты с цветными семейными фотографиями, откровенные разговоры о любви, дружбе, кулинарных пристрастиях. Политик и дети. Политик и старики. Политик в лесу, на природе, в заводском цеху, в коровнике среди доярок.

– Знаете, наши конкуренты напечатали серию безобразного наглого вранья, организовали полнейший беспредел. Василия Сергеевича обвиняют черт знает в чем, от миллионных взяток до совращения малолетних.

– Даже так? – Зацепа оживился, оскалился, дернул головой. – Совращение малолетних? Очень интересно. А на каком основании? Неужели есть доказательства? То есть я хотел сказать, они сумели сфальсифицировать...

– Если бы! – Гостья вздохнула и выразительно закатила глаза. – Если бы они попробовали, у нас была бы возможность подать в суд. Но в том-то и дело, что они используют старые гнусные технологии распускания туманных слухов. Понимаете, они намекают, только намекают, и наши юристы разводят руками. Намеки и слухи – не повод для судебного иска.

Женщину звали Маша. Николай Николаевич вдруг понял, что перед ним знаменитая Маня Боеголовка, действительно бывшая манекенщица, ныне профессиональная пиарщица, боевая подруга многих демократических политиков. До Лаврентьева она работала с Кузнецовым, еще раньше с Кудряшом. А когда-то, лет пятнадцать назад, была любовницей олигарха Шварца.

– Мы должны дать ответный залп, очень точный, продуманный. – Маня говорила и крутила бриллиантовое кольцо на среднем пальце, поправляла волосы, трепетала ресницами, смотрела на губы Зацепы и едва заметно облизывалась.

«Хоть бы раз моя девочка проявила ко мне такой откровенный женский интерес, – думал он, – мое солнышко облизывалось только на мороженое и на крупные купюры евро. Моя маленькая обожаемая дрянь уже в свои тринадцать была хитрей и хладнокровней этой многоопытной пожилой красотки Мани. Поколение Next. Никаких комплексов. Никаких нравственных ограничений. Грубый бесстыдный расчет, адский, невообразимый цинизм. Любопытно поглядеть хоть одним глазком, как господин Лаврентьев потихоньку балуется с маленькими, на все готовыми девочками. Или он предпочитает мальчиков? Миллионные взятки – чистая правда, на этом его не ловят потому, что те, кто хотел бы поймать, тоже берут взятки. Что касается совращения малолетних, тут вообще труба. В России за это никогда не сажали и еще лет сто не посадят ни одного серьезного чиновника. В Европе, в Америке постоянно идут судебные процессы. На педофилии ловят членов парламента, министров, генералов, епископов. У нас – тишина. Иногда схватят какого-нибудь мелкого извращенца, полубомжа, покажут по телевизору в криминальных новостях, посадят, потом сразу отпустят. А солидных людей у нас за это не сажают. Ни-ни. Впрочем, кроме тюрьмы есть много разных других неприятностей».

Переговоры шли своим чередом. Секретарша принесла кофе. Усатый молчал, по команде Мани доставал из кейса какие-то бумаги, показывал Зацепе. Маня прозрачно намекала на «черный пиар», предлагала неприлично маленькие суммы и призывала торговаться.

Издали, как будто с другой планеты, долетела тихая мелодия из «Времен года» Вивальди. Звонил один из мобильных Николая Николаевича. Трубку он оставил в кармане куртки. Пришлось извиниться, встать, открыть шкаф.

– Мы его потеряли, – сообщил хриплый женский голос.

– Где? – Зацепе покосился на Маню, которая очень внимательно прислушивалась и наблюдала за ним.

– В Парке культуры.

«Парк культуры... Надо же, какое странное, совершенно мистическое совпадение», – подумал Зацепе и рассеянно произнес:

– Хорошо.

– Да уж, лучше некуда, – женщина в трубке усмехнулась.

– Обсудим позже. У меня люди.

Зацепе отключил телефон, вернулся к столу, сел и впервые одарил своих гостей приятной улыбкой.

– Маня, – сказал он спокойно и ласково, – вы же понимаете, милая моя Манечка, что выполнение вашего заказа стоит значительно дороже.

* * *

Больничный сквер был залит солнцем. Оно появилось внезапно, вынырнуло из мокрой бархатной тучи, ослепительное и холодное. Голые липы и тополя от корней до верхушек, сугробы вдоль обочины главной аллеи, сама аллея – все покрылось прозрачной ледяной глазурью и хрустально сверкало под солнцем. Прежде чем вернуться в свой корпус, доктор Филиппова присела на лавочку, закурила, достала из кармана телефон и набрала номер следователя Соловьева. Его мобильный был отключен. Домашний и рабочий она не помнила наизусть, а записная книжка лежала в кабинете, в сумке.

«Что это, интересно, ты так нервничаешь? Нельзя смешивать деловые отношения с личными. Мало ли, что там у вас было двадцать лет назад? Вы оба успели повзрослеть, постареть. Да или нет? Вы работали вместе совсем недавно. Пытались вычислить и поймать чудовище, были заняты только этим, но иногда, вечерами, когда случалось остаться вдвоем, оба деревенели, и любая пауза в разговоре могла закончиться черт знает чем. Это счастье, что вы оба такие сдержанные, трезвые, разумные. У тебя муж, дети. Стыдно! Речь сейчас вообще не о тебе и не о Диме. Речь о девочке, которую нашли в лесу у шоссе, о неизвестном больном по прозвищу Карусельщик».

Сделав себе строгое внушение, Оля загасила сигарету, побежала к своему корпусу, лавируя между замерзшими лужами.

Солнце спряталось. И сразу потемнело, пахнуло холодом, колючая крупа полетела в лицо, не дождь, не снег. Кто-то там, на небе, размалывал льдины в гигантской мельнице и нервно сыпал на землю горстями.

Из точки «В» в точку «А» нельзя провести никакой прямой. Они, эти точки, находятся в разных измерениях. Нельзя вернуться к себе, двадцатилетней, и сказать: «Опомнись, что ты делаешь? Ты потом никогда себе этого не простишь».

Сформулируй, чего ты хочешь в данную минуту, и поступай с точностью до наоборот.

В ту далекую минуту, двадцать лет назад, Оля хотела вернуться к Диме Соловьеву и больше никогда с ним не расставаться. Но она твердо знала: ни за что нельзя поступать,

как хочется. Человек в своих поступках обязан следовать разуму и долгу, а не сиюминутным порывам.

Ледяная крупа неслась в лицо, ветер трепал полы халата. Навстречу шла медсестра Зинуля, гигантская женщина в пуховом платке на голове и казенной телогрейке поверх голубого медицинского костюма. Сто пятьдесят кило оптимизма. Натуральный свежий румянец, ясные карие глаза. Ветер туго натягивал широкие бязевые штаны на внушительных Зинулиных ногах.

– Ольга Юрьевна, будете раздетая бегать по улице, простудитесь! – Голос у Зинули был высокий, чистый, девичий. По выходным она пела в церковном хоре.

– Ничего, Зинуля, это я закаляюсь.

– Ага! Закаляется она! Вон, синяя вся, бегите уж скорей в корпус и чаю горячего выпейте, там, в шкафчике, печенье вкусное. – Сестра поправила платок и затопала дальше, к воротам.

Оля правда продрогла и потом, уже оказавшись у себя в кабинете, долго не могла согреться. Чаю выпить не успела. Дурацкое было утро. Весь день будет такой, бестолковый, тревожный. Хотелось забиться в угол, побыть одной, опомниться, собраться с мыслями, позвонить наконец Диме. Но, как назло, ее ни на минуту не оставляли в покое.

– Ольга Юрьевна, я не понимаю, все-таки есть надежда, что он поправится?

В ее кабинете на диване сидела худая измотанная женщина лет шестидесяти и смотрела на нее так, словно доктор Филиппова могла вытащить из ящика волшебную палочку, помахать ею, и старый больной муж этой женщины станет молодым и здоровым.

– Мы поддерживаем его лекарствами, пытаемся сделать состояние более стабильным, но вылечить вашего мужа нельзя.

– Я могу его забрать домой? – спросила женщина.

– Через неделю, не раньше.

– А что даст эта неделя? Сколько вообще осталось ему недель? Мы прожили вместе сорок лет. Он всегда был таким... – она прикусила губу, очень сильно, так, что кожа побелела, – таким нормальным. И послушайте, он ведь продолжает работать, ведет переписку, с ним советуются, ему присылают статьи и книги на рецензии. Он большой ученый, с мировым именем. Если бы мы жили в другой стране, он, конечно, лечился бы совсем в других условиях. Вот вы говорите – умирает мозг. Но ведь его интеллект в полном порядке. Он помнит тысячи формул, работает за компьютером, читает и пишет на трех языках.

– Профессиональные знания и навыки уходят в последнюю очередь, – сказала Оля.

– Ну вот! Значит, он может еще работать!

– Работать – да. Жить без постоянного надзора, обслуживать себя в быту, выходить на улицу – нет.

– Не понимаю, – женщина зажмурилась и помотала головой, – почему? Он здесь у вас уже десять дней, и никаких улучшений. Он продолжает говорить, что его каждую ночь живого закапывают в землю, что ему надо ампутировать обе ноги, потому что они не слушаются. Он требует, чтобы я вернула государству все его награды, потому что он не заслужил их. Но при этом уже успел прочитать рукопись книги одного из своих аспирантов и написать абсолютно грамотный отзыв, прямо здесь, не имея под рукой ни компьютера, ни справочной литературы. Когда я передала аспиранту этот отзыв, он спросил, почему Всеволод Евгеньевич находится сейчас в психбольнице. Это нонсенс! Всеволод Евгеньевич соображает значительно лучше, чем его молодые коллеги.

– Вы сами привезли его к нам, – напомнила Оля.

– Да. Но только на обследование. Я хотела убедиться, что с ним все в порядке. А вы мне говорите, умирает мозг, и нет надежды.

– Вы прожили вместе сорок лет. У вас двое детей, трое внуков. Вы его любите. Он любит вас. Да, мозг умирает. Это необратимый процесс. Всеволод Евгеньевич постепенно

превращается в младенца. В младенца, но не в овощ и не в мертвеца. Надеюсь, вы понимаете разницу? Он дышит, он теплый, с ним можно говорить, его можно взять за руку, погладить, поцеловать. Именно сейчас он нуждается в вас больше, чем когда-либо, – быстро произнесла Оля.

Но женщина, кажется, не услышала ее. Она поднялась и, уже открыв дверь, повернулась к Оле:

– Умирает мозг... Необратимый процесс... Господи, почему вы, врачи, такие жестокие? Учтите, вы тоже станете старой. И о вас тоже кто-нибудь так скажет.

Она вышла, хлопнув дверью. Оля закрыла глаза и принялась массировать виски.

«Конечно, я тоже стану старой. Вполне возможно, у меня тоже будет артериосклероз. Я курю, мало сплю, пью кофе литрами. Я добровольно прошла через ад, который теперь очень хочу забыть. Проблемы с памятью начинаются именно тогда, когда человек хочет забыть что-то. Грань между здоровьем и безумием совсем зыбкая, она может исчезнуть, как линия горизонта в тумане, при стопроцентной влажности. Любая мелочь способна сломать человека, и до чего иногда бывает заманчиво сломаться».

Оля встала, прошла по маленькому тихому кабинету, вытащила из сумки сигареты, открыла форточку, закурила, хотя в кабинете никогда этого не делала. Дым попал в глаза, потекла тушь. Она достала салфетку, подошла к зеркалу. Но вместо своего лица увидела лицо первой жертвы, девочки, убитой ровно два года назад.

Золотистые мягкие волосы. Светлые высокие брови. Совсем детское лицо. Слишком детское, чтобы быть мертвым. Из тех троих первая, светловолосая, оказалась самой маленькой. Не больше двенадцати. Следующая, рыжая, с мелкими веснушками, была крупнее и старше года на два. Потом нашли мальчика, ровесника рыжей. Все трое отличались какой-то особенной хрупкостью, изяществом. Гладкие, тонкие, холеные тела, ни волоска, ни прыщика. Лобки выбриты. Маникюр на руках и ногах. У девочек накрашены ногти. «Две нимфетки и фавненок», – сказал о них профессор Гущенко, цитируя Набокова. Именно это и натолкнуло тогда Олю на идею пройтись по порносайтам. И еще то, что дети остались неопознанными. Они не выглядели как нищие беспризорники. Они где-то жили, ели, одевались. Раскиданная рядом с трупами одежда была новой, добротной, модной. Пломбы на зубах из дорогого, импортного материала. У рыжей девочки губы надуты силиконом. Косметическая операция, мелкая, но не дешевая.

Кто-то взрослый заботился о них, следил за их здоровьем и внешностью. Но не считал нужным заявить об их исчезновении, откликнуться, когда по всей стране, через прессу и телевидение, искали кого-то, кто мог бы их опознать.

«Я хочу забыть. Я больше никогда не вернусь в этот ад», – подумала Оля и тут же произнесла вслух, шепотом:

– Молох. Ты все-таки не выдержал. Ты опять сделал это. Твой почерк, верно? Между первыми тремя убийствами прошло совсем немного времени. Троих ты убил в течение шести месяцев. Обычно маньяки ускоряют темп, промежутки сокращаются. Но ты затих, спрятался в нору. Нора у тебя вполне комфортабельная. Отличная квартира в Москве, чистая, аккуратная, уютная. Ты живешь один и не тяготишься одиночеством. Наоборот, ты наслаждаешься им. Ты слишком высоко ценишь себя, чтобы терпеть кого-то рядом. У тебя мощный компьютер. Хорошая машина. Тебе есть, что терять. Полтора года не появлялось ни одного *твоего* трупа. Ты испугался? Но ведь и раньше ты боялся, поэтому был так осторожен. Уехал? Заболел? Маньяки почему-то не болеют. У них железное здоровье. В какой-то момент я решила, что ты умер. Случайно разбился в машине, но мог и убить себя. Если ненависть твоя к жизни не находила выхода, если ты не убивал других, ты вполне мог покончить с собой. Я искала тебя в сводках происшествий, несчастных случаев, самоубийств. Я ходила смотреть на трупы мужчин твоего возраста, твоего телосложения. Я искала тебя среди мертвых, но чувствовала –

ты жив. Ты рядом. Ты все тот же, просто держишь паузу. Вот теперь эта девочка. Она твоя, верно? Ты выудил ее из паутины, как и тех троих. Она, как и те, снималась в детском порно. Ты решил ее покарать. Или спасти от греховной жизни. При всей твоей осторожности ты все-таки не стал нарушать свой обычный ритуал. Масло. Теперь еще и соска-пустышка. Ты хочешь сказать, что скоро примешься за младенцев?

У Оли пересохло во рту, она нашла в холодильнике бутылку воды, глотнула из горлышка. В последней ее фразе содержалась ошибка. Молох ничего не хотел сказать. Он не оставлял символических посланий. Он презирал тех, кто его ловит, и не вступал с ними в диалог.

– И все-таки мы с тобой поговорим, убудок. – Оля зажмурилась, тряхнула головой. – Ты где-то совсем близко. Конечно, ты не Карусельщик. Это было бы слишком просто. Но между вами существует связь.

Дверь открылась, Оля вздрогнула и покраснела. В проеме появилась медсестра.

– Ольга Юрьевна, вас в женское отделение вызывают, срочно. Там девочку из Склифосовского привезли, попытка суицида. Восемнадцать лет. Нужна ваша консультация.

* * *

– Не могу, не могу!

Марк уже не понимал, сам он это бормочет или Никонов опять завел свою волынку. Старик вернулся из коридора, сел на койку, опустил голову, закрыл лицо руками. Он так мог сидеть сколько угодно, то бормоча себе под нос, то затихая и покачиваясь, как маятник.

Марк пробовал одолжить у него пасту, чтобы хоть пальцем почистить зубы, но Никонов не дал, сказал, тюбик принесла Наташа, и если она узнает, что он давал чужому, то очень рассердится.

– А ты не говори, и она не узнает. Я же тебе сразу верну.

Но старик уперся. Псих, он и есть псих. Как все в этом вонючем заведении, включая врачей, медсестер, няnek и даже посетителей.

– Не могу, не могу, не могу.

– Что не можешь? – спросил Марк, не поворачивая головы, не открывая глаз.

– Не могу спать в толпе, – ответил Никонов.

– Почему?

– Чужие сны ходят на цыпочках, дышат на меня микробами. У меня ослаблена иммунная система. Я скоро умру. Надо смотреть правде в глаза.

«Да, это верно, – усмехнулся про себя Марк, – смотреть в глаза правде, в ее наглые холодные зенки, хотя это так противно. Меня вели дней восемь, а может и больше. Я не знаю, кто они, что им надо. Я устроил себе тайм-аут, спрятался в психушке. Но я не могу сидеть здесь вечно. Не могу, не могу, не могу... тьфу ты, черт, опять привязалось! Так и свихнуться не долго».

Он стал в десятый или сотый раз прокручивать в голове события последних дней. С чего, собственно, все началось?

Чуть больше недели назад, кажется в прошлое воскресенье, расставшись с новым покупателем, Марк зашел в ресторан поужинать. Предчувствие удачи всегда вызывало у него зверский аппетит. Он не сомневался: высокий седобородый мужчина, напаявшийся в пасмурный день темные очки, станет его постоянным клиентом. Он удивительно легко и быстро откликнулся на предложение перейти от пассивного созерцания к активным действиям. По всему было видно, как истомился он, бедняга, как жжет его изнутри страсть, которую в современном цивилизованном обществе принято считать позорной, преступной.

«Кого вы предпочитаете, мальчиков или девочек?»

Марк всегда заранее задавал этот вопрос, но не всегда сразу получал ответ. Его клиенты были людьми робкими и скрытными. Встречаясь с ним, надевали темные очки, иногда даже

приклеивали усы и бороду. Этот, кажется, тоже приклеил. Впрочем, наивный камуфляж летел к чертям, когда у них возникало желание познакомиться с теми детками, которых они наблюдали на дисках и видеокассетах. На деток они подсаживались, как на наркотик. Таких гениальных девочек и мальчиков, как у Марка, не было ни у кого из конкурентов.

Большинство производителей детского порно использовали бродяжек, вялых, нездоровых, неинтересных. Бродяжки, дети беженцев, работали за еду, наркотики и временную крышу над головой. Это выглядело жалко, не вкусно. К тому же СПИД, сифилис, чесотка, вши, туберкулез. А ведь известно, что педофилы – люди в основном состоятельные, интеллигентные, с высокими эстетическими запросами и всегда очень осторожны.

Марк производил и поставлял элитную продукцию. Он по праву считал себя лучшим на рынке детского порно. Он использовал маленьких профессионалов, они работали с удовольствием или, во всяком случае, умели изображать удовольствие. Он сам их всему научил. Своим клиентам он гарантировал не только высокое качество фильмов, но и полнейшую гигиеническую безопасность, когда у них возникала потребность в живых контактах.

Сидя в уютном полутемном ресторане, поедая изумительно зажаренные ребрышки молочного поросенка, он думал о новом клиенте. Да, этого робкого господина можно будет раскрутить на серьезные деньги, поскольку он предпочитает девочек.

Ика и Женя надежней мальчишек. Они умеют заворочить клиента, привязать к себе надолго и мягко, незаметно тянуть деньги. А мальчишки теряются, напрягаются. Особенно Стас. Красивый подросток, но нервный, постоянно закичивается на своих домашних проблемах. Когда его отец уходит в очередной запой и лупит мать, Стас вообще не может работать. Один раз даже удрал от клиента. Сказал – на минутку, по-маленькому, а сам быстро оделся и вон из квартиры, домой, к избитой маме. Аванс был уже получен, голый клиент ждал в полной боевой готовности. Но не дождался. Пришлось извиняться и присылать ему другого мальчика, Егорку. Он не так красив, как Стас, простоват, грубоват, зато исполнительен, не халтурит, работает добросовестно.

Новый клиент выбрал Женю. В конце разговора он достал из кармана ее фотографию, отпечатанную с сайта, на хорошем принтере, и, застенчиво откашлявшись, сказал, что хотел бы познакомиться с этой девочкой. Марк одобрил его выбор. Клиент слегка удивил его, когда тут же достал деньги – даже не аванс, а всю сумму, не за одно, а сразу за два свидания.

Салат из рукколы с рокфором, маслинами и горячими чесночными гренками был великолепен. Марк спокойно и с удовольствием проедал деньги, полученные за Женю. Сейчас можно было позволить себе значительно больше, чем раньше. Бизнес набирал обороты, поднимался на новый уровень. То, что когда-то начиналось как эстетское хобби, теперь приносило хорошую прибыль. Скоро, наверное, придется пойти на расширение штата. Неразумно и утомительно все брать на себя. Встречаться с клиентами, продавать кассеты и диски должен кто-то другой. Это самая нервная часть работы. Постоянно мерещится слезка.

Возможно, он просто переутомился и бдительность его потихоньку переросла в манию преследования. Как не хотелось об этом думать!

На десерт Марк заказал крем-карамель. Снял с нежной дрожащей пирамидки листик мяты, посыпанный сахарной пудрой. Отправил в рот и стрельнул глазами в сторону молодой пары за соседним столиком. Ничего особенного. Обоим под тридцать. Она – коренастая крашенная блондинка с длинным лицом, в голубых узких джинсах, обшитых блестками и бисером, в белой сатиновой блузке. Он – лысый, упитанный, круглолицый, в свободных бежевых брюках из мягкой фланели, в черном широком пуловере. Они вошли в ресторан сразу вслед за Марком. И он напрягся, поскольку девушку узнал. Видел ее два дня назад, у площади Белорусского вокзала. Она стояла у ларька, как будто ждала кого-то, и рассеянно листала глянцевого журнал, не глядя на страницы. Глаза ее скользили по лицам прохожих, остановились на Марке и тут же отпрыгнули, словно обжегшись. Потом он опять почувствовал взгляд.

Тогда она была иначе одета и причесана. Однако у нее слишком характерное лицо. Нос сердечком, острый выступающий подбородок.

Марк глотнул кофе, закурил, попросил счет. И тут же зафиксировал напряженное внимание со стороны соседнего столика. Конечно, парочка была занята им куда больше, чем друг другом. Они тоже попросили счет.

– Ребята, что вам надо? – спросил Марк, когда отошла официантка.

Они переглянулись. Молодой человек нахмурился.

– Вы, девушка, ходите за мной третий день. Я вам так сильно нравлюсь?

Девушка смерила его равнодушным взглядом и ничего не ответила.

Молодой человек даже не посмотрел на Марка, взял свой мобильник, который тихо урчал и вибрировал на столе.

– Да. Понял, – пробормотал он в трубку, – конечно, обязательно.

Его спутница спокойно закурила, как будто вовсе позабыв о Марке.

Принесли счет. Марк вложил купюры в папку и, не дожидаясь сдачи, вышел. Сильно похолодало. Он бегом покинул переулок, выскочил на трассу, поднял руку. Остановился зеленый «Фольксваген». Слишком скоро остановился, как будто специально ждал. И как раз в этот момент из-за угла появилась парочка.

– Куда ехать? – спросил шофер.

Рожа его показалась Марку подозрительной. Безглазый квадратный амбал, нос пуговка, шеи нет. Такой скрутит в минуту, пикнуть не успеешь, даст по башке или ножичком пырнет.

Парочка между тем медленно приближалась. Ни о чем больше не думая, Марк побежал. Амбал в «Фольксвагене» просигналил. Конечно, он был один из них.

Марк знал этот район и наметил себе безопасный маршрут. Ближайший переулок, потом сразу проходной двор. Еще переулок. Проспект. Метро. Чтобы догнать его, «Фольксваген» должен был развернуться и ехать против движения. Девушка вряд ли сумеет быстро бежать на своих высоких шпильках. Оставался молодой человек. Он честно бросился вслед за Марком, но, добежав до угла, остановился, растерянно вглядываясь в темноту.

В тот вечер Марку удалось оторваться от слежки. Выйдя из метро, он для верности еще пару часов петлял по окрестным переулкам и проходным дворам и, только убедившись, что никого подозрительного поблизости нет, вошел в подъезд, поднялся в квартиру.

Это была одна из трех съемных квартир. Здесь он жил. Имелась еще студия, где он снимал свое альтернативное кино, и «гостиница», где встречались с мальчиками и девочками клиенты, не имеющие собственных помещений для интимных забав.

На следующий день все повторилось. Уже не в ресторане, на улице, у метро. Ему опять удалось уйти, но встреча с клиентом сорвалась. Тем же вечером он заметил крашеную блондинку с носом-сердечком в супермаркете, неподалеку от дома. Удирал сложно, на такси, потом на метро, проехал все Садовое кольцо и, только оторвавшись, решил вернуться домой.

Никаких сомнений не осталось.

За ним правда следили, причем нагло, открыто. Значит, главная их цель – напугать. Не убить – они давно бы могли это сделать, – а именно напугать, показать зубы. Хорошо. Он испугался. Что дальше? Дальше, вероятно, с ним, присмирившим и робким, будут говорить. Ставить свои условия. Кто? Конечно, конкуренты. В общем, Марк ждал этого. Нельзя оставаться независимым успешным одиночкой. Не дадут. Не позволят.

Сосед Никонов продолжал свое унылое «не могу, не могу!». Но вдруг потрянул головой, облизнулся и деловито спросил:

– У тебя случайно сладенького нет?

– Нет.

– Так, товарищи, внимание! На сегодня у нас назначено заседание комиссии по экстренной идеологии, явка обязательна, – прозвучал, перекрывая стоны, сопение, бормотание, высокий резкий голос.

У двери, возле умывальника, пожилой толстяк по фамилии Шпон смотрел в зеркало и аккуратно раскладывал на лысине длинные жидкие пряди. Когда-то он работал в московском горкоме партии, заведовал каким-то отделом. Собственно, он и сейчас продолжал заведовать, но в другой реальности, в уютном войлочном гнездышке своего старческого маразма.

Шпону было хорошо. А Никонову плохо. Ночью он достал Марка рассказами о своей красавице Наташке, о том, как на нее смотрят все подряд мужики, молодые и старые, и даже показал фотографию. Бабенка была сдобная, грудастая, со сладкой улыбкой и холодными наглыми глазами.

– У тебя случайно нет мобильного телефона? – спросил Никонов шепотом. Он склонился к самому лицу, и Марк почувствовал, как кисло пахнет у него изо рта.

– Посмотри в тумбочке, – сказал он старику.

Шорох, стук, сопение. Никонов искал телефон. Тумбочка у них была одна на двоих.

– Где? Ну где же? Ничего не понимаю! – бормотал Никонов, выкидывая на пол жалкое барахлишко.

– Что, не можешь найти? – сочувственно спросил Марк.

– Нету!

– Значит, сперли.

– Да, наверное. И что теперь делать?

– Искать. Кто у вас тут главный вор?

– Я не знаю. Не понимаю. Не могу.

– Не можешь – отдыхай. Ты правда совсем больной. Забыл, что мобильники здесь держать запрещено?

– Зачем же ты сказал, что у тебя есть?

– Пошутил. А ты поверил. Получилось смешно. Кстати, зачем тебе телефон?

– Я должен срочно позвонить жене. Мы давно не виделись. Она волнуется.

– Так уж и волнуется? Может, наоборот, рада?

– Что? Что ты сказал? – старик взвизгнул и вскочил.

На его губах запеклась корочка, глаза выкатились из орбит, подернулись влагой.

– Она завела себе другого мужика, здорового, крепкого. А ты, старый пердун, на фиг ей не нужен. Она тебя, печальную макаку, нарочно сюда сбагрила, ты здесь быстрее помрешь, ей квартира достанется, – сказал Марк достаточно громко, чтобы его услышал старик, и достаточно тихо, чтобы никто другой в палате не услышал.

Через пять минут рыдающего, трясущегося Никонова уволокли санитары. Палата ничего не заметила, ее население, шаркая, ворча, перетекало в коридор, бродить, ждать посетителей, смотреть телевизор.

Глава седьмая

Плоская деревянная шкатулка размером не больше школьной тетради, изнутри оклеенная черной бархатной бумагой, хранилась в тайнике на антресолях. Там, в конвертах из папиросной бумаги, лежали пряди волос. Золотистая, похожая на лепестки желтой хризантемы. Рядом с ней пара серебряных сережек с аметистами. Рыжая, как язычок пламени. Золотое колечко с темным крошечным рубином. Пепельно-русая, короткая и жесткая. Серебряная цепочка с крестиком.

Странник сел на пол, стал бережно перебирать и рассматривать свои сокровища. На лице его застыла отрешенная, почти идиотическая улыбка, глаза затянулись матовой пленкой.

Просидев так минут двадцать, он дернулся, как будто его ударило током. Осторожно сложил в шкатулку свои трофеи, в том числе новые, мягкую каштановую косичку и медальон. Встал, подошел к шкафу, достал небольшой элегантный портфель, погладил мягкую черную кожу, щелкнул замочком и убрал в портфель шкатулку. Потом закрыл антресоли, сложил стремянку.

– Хороший мальчик. Умница, – шелестел в тишине ласковый шепот, – теперь успокойся и поешь. Ты ничего не ел целые сутки. Ты голоден. Ты получил свежую порцию космической энергии. Но пищу телесную это не заменяет. Ты заслужил вкусный обед. Ты заслужил. Ты хороший мальчик.

Странник правда проголодался. Пока оттаивали в микроволновке куриные крылышки, он занялся уборкой. Отнес стремянку в туалет. Перемыл посуду, протер плиту, подмел пол. Обычно он занимался уборкой под музыку. Лучше всего Моцарт или Вагнер. Но сейчас нужна была тишина.

– Ты освободил еще одного ангела. Осознаешь ли ты свое величие? Достоин ли ты своего уникального дара, своей великой миссии?

Ему хотелось ответить, вступить в диалог, но он пока не решался. Он боялся, что скажет что-нибудь не то, и продолжал молча наводить чистоту, при этом наблюдая за собой со стороны. Крепкий мужчина в спортивном трикотажном костюме, в теплых тапочках. Лицо хмурое, напряженное. Веник в правой руке, совок в левой. Руки сильные, красивые. Движения четкие.

– Ты все сделал правильно. Но этого мало, мало. Ни на минуту ты не должен забывать о своей священной миссии.

Он уронил веник и совок, медленно опустился на пол, сжал виски.

– Я знаю, как больно тебе, как трудно, но кто же, если не ты? Хочешь сказать, тебе их жалко?

– Да. Жалко, страшно. Жалко тех, кого не могу спасти. Страшно, что я один, а их много, и надо возвращаться в их мир, жить по их законам.

– Ты не живешь по их законам. Ты разведчик в тылу врага.

Он сглотнул горький комок, шмыгнул носом. Слезы подступали к глазам, ему было стыдно, что он такой сентиментальный. Микроволновка звякнула и выключилась. Он не заметил, не услышал. Шепот заполнил собой все пространство кухни, и в голове у него ничего не было, кроме этого шепота.

– Они жертвы Апокалипсиса. Они дети. Ты спасаешь детей. Как в твоей любимой книжке «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, помнишь? Ты один, и много маленьких детей, играющих над бездной. Ты ловишь их, чтобы они не падали. Ты не должен останавливаться. Гоминиды повсюду, ты чувствуешь в воздухе смрад их ядовитого дыхания, на дверных ручках в общественных местах остается пот их похоти. Они питаются гибелью детей, обращая их в себе подобных. На генетическом уровне. Юные новообращенные самцы и самки гоминидов отлича-

ются особенной, дьявольской привлекательностью, они вульгарны и порочны. Они чудовищно сексуальны. Ты знаешь, что все зло от похоти. Первые люди, совершив грехопадение, добровольно уподобились зверям. Это был их выбор. Совокупление, похоть они предпочли райскому блаженству. Они покинули мир света ради вечной ночи. И звери обрели власть над ними. Совокупляясь, люди становятся гоминидами. Ты – разведчик, ты – агент света в мире тьмы, ты – посланник чистоты в мире грязи, ты – Странник, твой дом далеко отсюда.

Шепот сгушался, становился сплошным гулом. Он не мог разобрать слов. Ему казалось, голова его сейчас взорвется. Нет, все-таки он еще не вернулся из царства света, он не может жить, как следует, здесь и сейчас. Он завис в каком-то вязком промежуточном пространстве, и если это состояние продолжится, гоминиды скоро почувят в нем чужака, смертельного врага. Начнут замечать странности в его поведении, шептаться за спиной. Понятно, чем это кончится. Они его уничтожат.

Он попытался зацепиться за что-то реальное. Единственным звуком, который прорывался сквозь потусторонний гул, было урчание в его животе. Голод. Надо приготовить себе еду. Гоминиды обычно включают телевизор, когда ужинают на своих кухнях. Надо действовать здесь и сейчас, как они. Даже наедине с собой надо притвориться мутантом, питекантропом в человеческом обличье. Ему ведь удавалось это целые полтора года. Ему удастся это в течение всей его жизни.

Странник поднялся с пола, нашел пульт, включил телевизор. Там симпатичная мультяшная помидорка пела песенку о том, как хочет стать томатной пастой. Это выглядело вполне безобидно и даже мило. Но Странник видел, как вылезают из телевизора щупальца. Слизистые, мутные, очень сильные, они с мокрым чмоканьем рвутся сквозь экранное стекло наружу и заполняют своим змеиным шевелением все пространство маленькой кухни.

Реклама – одно из очевидных воплощений зла. Переливчатое разноцветное чудовище, гигантский спрут с круглым циклопическим глазом и множеством пухлых влажных ртов, похожих на присоски кальмара. Рты шевелятся, орут и шепчут разными голосами: купи! Купи! Отдай свои денежки, скорее, сию минуту!

В каждом щупальце трясутся, как погремушки, банки колы и пива, головы с пересаженными волосами, прозрачные торсы, внутри которых происходит силиконовое пищеварение, стиральные порошки, чипсы, автомобили. Реклама создает картинки фальшивого земного рая, пестрые декорации, за которыми ад, смрад. Конец света наступил, но никто не заметил этого, потому что все смотрят рекламу.

– Успокойся. Тебе надо поесть и поспать.

Это был не потусторонний шепот, а собственный его голос.

– Ты хороший мальчик. Ты все сделал правильно. Не бойся спрута. Ты сильнее. Ты очень сильный и красивый. Не бойся гоминидов. Веди себя разумно и осторожно, как подобает разведчику. Будь бдителен, и они никогда не почувят в тебе чужака. Ты справишься.

Он вытащил крылышки из печки, налил на сковородку оливковое масло, поставил на огонь и стал чистить чеснок. Масло зашипело. Он положил дольку чеснока в давилку. Крылышки на сковородке, белые, нежные, вдруг напомнили ему переплетенные хрупкие конечности детей в порнофильме.

Он сел за стол, прошелся по каналам. Нашел новости. Страннику хотелось увидеть сюжет, посвященный ему. Совсем не обязательно, что покажут, это обычные новости, не криминальные. Но вдруг? Мало ли?

Густо загримированный ведущий рассказывал о скучных, незначительных событиях. Спорт сменился прогнозом погоды, сообщили, что к концу недели обязательно потеплеет. Он понял: о теле ничего не скажут.

Странник любил смотреть криминальные новости. В них иногда, сами того не желая, гоминиды сообщали правду о себе. Картины кровавой бессмысленной жестокости были изнан-

кой рекламного рая. Каждый раз, прямо или косвенно, они напоминали Страннику о его миссии, помогали окончательно вернуться из мира теней и жить дальше, здесь и сейчас.

Совсем недавно, в течение полугода, о нем говорили с телеэкрана часто и подробно. Ему нравилось оставаться единственным существом на свете, которое знает правду о том, что произошло в лесополосе неподалеку от кольцевой дороги и почему там лежит обнаженное тело мертвого ребенка.

«Это я сделал, дурни, животные! Я поймал дитя над пропастью и освободил ангела!»

Он осознавал свое величие. И спокойно, уверенно продолжал жить среди гоминидов. Сильный, очень сильный самец.

* * *

Зацепе удалось провести переговоры на пять с минусом. Он поднял цену до потолка, при этом отказался участвовать в черном пиаре. Он убедил Маню Боеголовку, что нет ничего лучше, чем позитивная информация о кандидате, поданная грамотно, тонко, ненавязчиво. Если сейчас прозвучит ответный залп, господин Лаврентьев в глазах избирателей станет таким же циничным негодяем, как его конкуренты. Народу надоели политики, которые поливают друг друга дорогостоящим печатным дерьмом. Лучше в спокойном душевном интервью Василий Сергеевич заявит, что, конечно, мог бы дать сдачи клеветникам и так же, как они, оплатить черный пиар, но он никогда не опустится до этого.

Маня сначала хмурилась, нетерпеливо качала ногой, обутой в высокий лаковый сапог, но в какой-то момент вдруг расслабилась. Николай Николаевич умел убеждать.

Минус он мысленно добавил к пятерке потому, что не отключил мобильник в самом начале переговоров. Это был резервный телефон. В аппарате стояла sim-карта, купленная в Риме на чужое имя. Два года назад он поклялся себе, что никогда не будет включать этот аппарат при посторонних, тем более говорить по нему. И вот надо же, нарушил клятву. Между прочим, впервые.

Он потерял контроль над собой. В конторе, в кабинетах высоких чиновников, на теннисном корте, в ресторанах, в машине, в постели с женой он скучал и томился. Он постоянно смотрел на часы. Он жил в особом временном измерении, от встречи до встречи с Женей Качаловой. Ему хотелось поскорей отделаться от работы, от семьи и нестись к ней. Женя была единственным существом на свете, которое он любил, в первый и в последний раз в жизни.

Каждый ее жест, гримаски маленького чистого лица, изгиб тонкой спины, тяжесть и запах волос, прозрачные легкие пальцы, все в ней было для него как наркотик, без нее он переживал мучительную ломку. Разве мог он представить, что с ним когда-нибудь такое произойдет?

Николай Николаевич Зацепа был нормальным, здоровым, сильным человеком. Отличник и комсомольский лидер. Студент Института международных отношений. Сотрудник советского консульства в Риме. Разумная женитьба на дочери посла. Двое детей, мальчики. Блестящая дипломатическая карьера. За всю жизнь – ни одного лишнего слова, ни одного случайного поступка. Никому из его знакомых, друзей, сослуживцев, тем более – жене и сыновьям, в голову не могло прийти, что его нестерпимо тянет к девочкам-подросткам.

Он регулярно, энергично выполнял свои супружеские обязанности. Принимал стимулирующие витаминные препараты, небольшую дозу алкоголя, закрывал глаза и представлял на месте супруги какую-нибудь одноклассницу сначала старшего, потом младшего сына.

Когда именно это началось, он не знал. Он вообще старался не думать об этом. После сорока его жизнь дала трещину, внутренний разлом угрожающе рос. Было два Зацепы. Один – полноценный мужчина, верный муж, примерный отец. Другой – похотливое одышливое «нечто». Налитые кровью глаза, умоляющие и бесстыжие. Потные лапы невыносимо чешутся, когда рядом тоненькая беззащитная девочка лет двенадцати. Во рту наждачная сухость, язык

прилипает к небу, губы к зубам. Между ног раскаленный пульсирующий камень, «чертов палец», весом в пуд.

Много лет он жил в Риме, свободно читал по-итальянски и по-английски, мог покупать порнографические книжки и журналы, соблюдая определенную осторожность, мог заглядывать в кинотеатры с богатым порнорепертуаром на любой вкус, мог, наконец, пользоваться малолетними проститутками. Но никогда ничего этого он не делал. Он не шел на поводу у своего второго безобразного «я», не давал ему поблажек. Умный, сильный Зацепа презирал и ненавидел это внутреннее «нечто».

Зацепа-интеллектуал не мог жить без книг, но упорно не признавался себе, что в литературе, как художественной, так и научной, более всего интересует его тема физической любви между взрослым мужчиной и маленькой девочкой.

Он перечитывал римских историков, не замечая, что рассеянно листает страницы в поисках нескольких конкретных эпизодов. Труды о древних языческих обрядах, об инквизиции, ведовстве и черных мессах, о быте и нравах первобытных африканских племен, даже Ветхий Завет – все содержало в себе дозу наркотика, того самого, которым питалось внутреннее «нечто». Дети, невинные жертвы варварских традиций, суеверий, дьявольской похоти. Дети, совращенные, изнасилованные, убитые, вызывали у доброго Зацепы острую жалость, между тем как «нечто» истекало газированной слюной.

Все, что касалось соития взрослого с ребенком, пахло кровью, кошмаром, психической патологией. Удачливыми собратьями «нечто» во времена и пространствах оказывались такие симпатяги, как Тиберий, Калигула, маркиз де Сад, Лаврентий Берия, раскрашенные голые африканские вожди, жирные восточные шейхи, средневековые колдуны, вампиры, сатанисты, уголовники, маньяки.

Если бы Зацепа мог избавиться от своего безобразного второго «я», удалить его, как опухоль, он, не задумываясь, согласился бы лечь под нож. Но нельзя же, в самом деле, явиться в медицинское учреждение и сказать: кастрируйте меня!

Единственным утешением для страдальца стала великая книга Набокова «Лолита». Когда она впервые попала к нему в руки, он ожил, он решился взглянуть на свое «нечто» без брезгливости. Оказалось, в его тайной страсти есть не только жестокость, грязь, но и высокая поэзия. Все не так ужасно – даже наоборот, прекрасно, романтично. Он не выродец, не чудовище. Он принадлежит к тайному клану избранных, наделен особенным утонченным чувством красоты, которого нет у других, обычных людей.

«Лолиту» интеллектуал Зацепа читал раз десять, по-английски и по-русски, и знал почти наизусть. Под влиянием книги внутренний разлом постепенно зарастал, рубцевался. В результате между Зацепой и «нечто» наладились вполне добрососедские отношения. Они понимали и щадили друг друга. «Нечто» не лезло в официальную стерильную жизнь Зацепы, не заставляло его краснеть, потеть, носить широкие брюки и прятать глаза. Зацепа, в свою очередь, дарил своему тайному товарищу тихие безопасные радости. В гениальной книге содержалось немало рецептов, как утешиться бедному художнику, не обижая девичью чистоту и не рискуя собственной шкурой.

Городские парки, спортивные площадки, бассейны, теннисные корты, катки, праздничные детские концерты в школе при посольстве, семейные вечеринки с друзьями, у которых есть дочери не старше пятнадцати, наконец, пляжи, море. Иногда какую-нибудь хрупкую девочку надо было научить плавать, кататься на коньках и на роликах, правильно держать теннисную ракетку, посадить на велосипед или на пони.

Все знали: Николай Николаевич очень любит детей, легко находит общий язык с подростками. Для жены и друзей он придумал легенду, что всегда мечтал о дочери. Сыновья – это замечательно, однако хочется еще и девочку.

Зацепе исполнилось пятьдесят. Сыновья выросли, вокруг них уже вились не феи-малолетки, а зрелые неинтересные девицы. Зацепа затосковал. Но тут же судьба подкинула ему новую шальную надежду. Его сорокашестилетняя жена была беременна. Ультразвук показал, что плод женского пола.

«Нечто» ликовало. Осторожный Зацепа перечитал великий роман, чтобы поделиться радостью с господином Гумбертом, и получил от любимого героя очередной набор изысканных рекомендаций.

В конце шестого месяца его супруга родила мертвого ребенка. В душе Зацепы разразилась черная буря. Он впал в депрессию, ему вдруг стало казаться, что, припадая ухом и щекой к выпуклому животу супруги, он как-то метафизически напугал эмбриончика либо вообще спалил бедную крошку потоком своих огненных биоволн.

Между тем дипломатическая карьера Зацепы развивалась блестяще, новый министр собирался назначить его послом. Однако перед Николаем Николаевичем замаячили другие, более заманчивые перспективы. Он подал в отставку, вступил в совет директоров мощного международного концерна, стал правой рукой теневого российского олигарха, приобщился к баснословным капиталам, которые выкачивались из разоренной России, попал в стихию бандитских разборок, скандалов и заказных убийств. Однако по природе своей Зацепа был слишком осмотрителен, чтобы получить пулю в лоб, тюремный срок или стать по-настоящему богатым человеком. В критический момент он отошел в сторонку, осел в удобной нише, на должности председателя правления ЗАО «Медиа-Прим». Под его руководством выходило несколько толстых, ежемесячных, и тонких, еженедельных, глянцевого журналов.

В Риме у него была квартира, имелась вилла на побережье. В Москве они с женой занимали небольшой пентхаус на Кутузовском проспекте и строили грандиозный дом в дачном поселке, в двадцати километрах от Москвы.

Сыновья получили образование в Англии, младший остался там жить и работать, женился на англичанке. Старший вернулся в Москву, занял должность главного редактора самого престижного журнала из тех, что издавало «Медиа-Прим». Жена его, фотомодель Ева, родила девочку Лизу. У Николая Николаевича появилась прелестная маленькая внучка.

«Нечто» постарело, присмирело, безопасность Лизы была гарантирована. Пережитая черная буря уничтожила мечты об инцесте. Внучку Зацепы любил, как положено деду, чистой бескорыстной любовью. Великая книга спокойно дремала на книжной полке, в ряду полного собрания сочинений Набокова.

Интернет предлагал сотни, тысячи платных девочек, любого возраста, на любой вкус. Ночами по обочинам проспектов и шоссе топтались на все готовые малолетки. Газеты, журналы пестрели рекламами разных салонов, VIP-саун и массажных кабинетов, где наверняка можно было заказать себе не только взрослую, но и маленькую фею. Но Зацепы слишком много страдал, чтобы под старость утешаться грубой пародией на любовь. Он понимал: «нечто» не насытится платным казенным соитием, останется горечь разочарования, страх разоблачения и венерических болезней.

В теплое время года Николай Николаевич иногда приезжал в Парк культуры, смотреть, как катаются на роликах девочки-подростки. И вот однажды, два года назад, в начале мая, прямо на него налетела девочка, не старше одиннадцати, тоненькая, маленькая, разгоряченная. Длинные каштановые волосы отливали медью на солнце. Она разогналась, не успела затормозить, неслась наперерез открытому прогулочному трамваю. Но Зацепы оказался рядом и поймал ее в свои объятия.

– Ак-куратней! – От волнения он стал косноязычным.

Она подумала, что он говорит с сильным акцентом, решила, будто перед ней иностранец. Правда, долгие годы жизни в Италии наложили на него определенный отпечаток. В Москве

Зацепу часто принимали за иностранца. Не вырываясь из его рук, девочка подняла на него прозрачные голубые глаза, уже не испуганные, а любопытные, и сказала по-английски:

– Oh, sorry! Thank you very much!

Мелодия из времен года «Вивальди» заставила Зацепу вздрогнуть. Резервная трубка вибрировала в руке. Он не заметил, как после ухода гостей достал аппарат, включил его. Он вообще забыл, что сидит в своем кабинете, так глубоко ушел в воспоминания.

– Кажется, засветился один адрес, – сообщил все тот же хриплый женский голос, – что будем делать?

– Следите за домом, – Зацепу тяжело вздохнул, – если он там появится, войдите в прямой контакт. Дальше – по плану.

– А если не появится?

– Подождите до вечера.

Звякнул городской телефон, трубку тут же взяла секретарша, а через минуту сообщила по селектору:

– Николай Николаевич, ваша жена на проводе.

Зацепу отключил мобильный, откашлялся.

– Да, Заинька, я тебя слушаю.

Глава восьмая

В казенной телогрейке поверх халата доктор Филиппова шла через больничный парк, от одного корпуса к другому, и бормотала себе под нос, так что со стороны ее, наверное, вполне можно было принять не за врача, а за пациентку психиатрической клиники.

Вступить в диалог с неизвестным убийцей ее научил профессор Гущенко.

– Не бойся. Поговори с ним. Он тебе ответит, рано или поздно. В какой-то момент ты почувствуешь его присутствие, услышишь его голос. Пусть это похоже на шаманство, на спиритизм, плевать. Не важно, как это выглядит со стороны. Продолжай говорить с ним.

В команде профессора Гущенко доктор Филиппова проработала пять лет. Команда числилась при НИИ МВД, занималась сбором и анализом данных по серийным убийцам, разрабатывала компьютерную поисково-аналитическую систему «Профиль». В команду входили психологи, психиатры, трассологи, судебные медики, следователи, оперативники и даже пара экстрасенсов. Очередной министр МВД, поклонник всего американского, загорелся идеей создать у нас в России аналог отдела бихевиористики при ФБР.

На Западе уже давно, с шестидесятых, существует институт профайлеров. Так называют особых специалистов в разведывательных службах или полиции. Профайлеры создают психологический портрет преступника, чтобы лучше представить его личность и предвидеть его действия. Работа психологов и психиатров может существенно помочь следствию. Бывали случаи, когда серийников удавалось вычислить и поймать исключительно благодаря точно составленному профилю.

У нас судебные психологи и психиатры работают с преступниками, которых уже поймали. Определяют для суда степень вменяемости. Сумасшедших не судят, их изолируют и лечат.

Профессор Гущенко Кирилл Петрович считался одним из лучших специалистов по серийникам не только в России, но в Америке и Европе. ФБР признало его методику чуть ли не самой эффективной. Методика эта называлась «Диалог» и предполагала максимально близкий контакт исследователя с убийцей, вживание в его образ, почти по системе Станиславского.

Формула «Я – это он» многим чиновникам МВД казалась мистической чушью и профанацией. Однако она работала, эта формула. Правда, кроме самого Гущенко мало кто из психиатров выдерживал эту жуткую игру. Набирая команду, Кирилл Петрович проводил специальное тестирование коллег по собственной системе. Помимо профессиональных навыков, врач должен был обладать колоссальной интуицией, богатым гибким воображением, глубокой эмоциональной и чувственной памятью.

Доктор Филиппова и не подозревала, что обладает всеми этими качествами. Она раздулась от гордости, как пузырь. Ей льстило, что по результатам тестирования она оказалось такой гениальной. Ей хотелось поработать в одной команде с легендарным профессором Гущенко.

Тогда еще Оля смутно представляла себе, каково это – влезать в кошмарные глубины сознания маньяков-убийц, шаг за шагом проходить вместе с ними все стадии их психозов. Рассматривать тела жертв, читать подробности увечий, как книгу. Изучать места преступлений и стараться понять кошмарный язык символов.

Детали убийства составляют зашифрованное послание, в котором преступник сообщает о себе практически все. Надо только найти ключ к шифру. Надо представить себя на месте убийцы. И не свихнуться при этом.

Первым пациентом Оли оказался людоед Д. Он делал пельмени и котлеты из женщин. Он не получал удовольствия от мучений своих жертв, не пытал, не истязал. Просто убивал и съедал, как домашних животных. Мощный, широкоплечий, высокий, с грубым мужественным лицом, он легко знакомился с женщинами, приглашал в гости, поил водкой, спал с ними, потом сонной жертве быстро перерезал горло кухонным ножом. Он работал ветери-

наром, жил в деревне, имел большой приусадебный участок, пользовался уважением соседей. Им, кстати, он иногда продавал недорого излишки свежего мяса, говорил, что это оленина.

У него не было ни трудного детства, ни проблем с потенцией. Он презирал женщин, считал их существами низкими, порочными. Утверждал, что каждая, даже самая добропорядочная особь женского пола в душе проститутка, и если не продает свое тело, то лишь потому, что недостаточно привлекательна. Истреблял их не только для удовольствия, но из принципа. Жизненная энергия – драгоценный дар. Низшие существа недостойны этого дара, они транжирят его на пустяки, пьют, курят, трахаются с кем попало. Надо рационально уничтожить их, отбирать жизненную энергию и поддерживать этим себя, высшее существо.

Убивая и поедая жертву, он получал мощный энергетический заряд. Все серийники это чувствуют и почти все говорят об этом. Поток энергии агонизирующей жертвы дает огромную подпитку.

– Кажется, ты можешь все: летать, ходить по воде, двигать предметы взглядом. Это ни с чем не сравнимое чувство космического могущества невозможно забыть, от него невозможно отказаться, и когда оно постепенно уходит, ничего не остается, кроме поиска нового источника энергии.

Еще один объект исследования, насильник-педофил К., нападавший на мальчиков и девочек от двух до двенадцати лет, был говорун. Его поимка стала прямой заслугой профессора Гущенко. Кирилл Петрович составил настолько подробный и точный профиль, что оперативникам оставалось только арестовать его.

К. мог часами рассказывать о том, как выслеживал жертву, как заманивал, насиловал, душил. Во время следственных экспериментов, показывая все на тряпичной кукле, испытывал сексуальное возбуждение.

– У детей энергия чистая, здоровая, – говорил он доктору Филипповой, – римские императоры были не дураки, когда принимали утром натощак порцию свежей детской крови, смешанной с грудным молоком.

Оля вынуждена была его слушать. Она сама выбрала такую работу. Профессор Гущенко никого силой в свою экспериментальную группу не тянул. Каждому предлагал хорошо подумать, прежде чем давать согласие. Педофил К. представлял собой отличный материал для исследования. Оля записывала его монологи на диктофон. Поскольку во время следственных экспериментов он становился особенно разговорчивым, она ездила вместе с группой, постоянно была рядом с чудовищем.

К. охотился за детьми в Подмоскowie, в радиусе шестидесяти километров от кольцевой дороги. На охоту выходил в июне. Выбирал деревни, поселки городского типа, самые бедные, где жили семьи беженцев и дети бегали без присмотра. Действовал расчетливо и осторожно. Изучал заранее место будущего преступления, продумывал каждую мелочь. Насиловал и убивал на природе, в лесу. Никогда не появлялся дважды в одном месте.

Во время первого следственного эксперимента Оля заметила, что чудовище, пристегнутое наручником к оперативнику, держит свободную руку на ширинке. Говорит и мастурбирует. Она долго сдерживалась, а потом отбежала к кустам, и ее вывернуло наизнанку.

– Ничего, бывает, – утешил ее пожилой судебный медик, похлопал по спине, протянул пачку влажных салфеток и бутылку воды.

До сегодняшнего утра Оля не сомневалась, что никогда не вернется к этому кошмару, и больше всего на свете хотела забыть. Она ушла из судебной психиатрии и думала, что навсегда.

– Ты не прячешь трупы, но и не выставляешь их напоказ. Бросаешь там, где тебе удобно. Не режешь, не поедаеть куски плоти. Твой кайф – не боль и даже не совокупление. Тебе нужен ритуал и близкий контакт с жертвой в момент агонии. Ты оглушаешь жертву ударом в затылок, раздеваешь, душишь руками, срезаешь прядь волос на память, а потом обливаешь мас-

лом и больше не прикасаешься к телу. Нигде, ни на одежде, ни на коже трупов, ты не оставляешь следов. Ты почти спокоен. Мозги твои работают четко. У тебя припасен фонарь или даже очки ночного видения. Ты убиваешь глубокой ночью, в лесу, в темноте. Да, я почти уверена, ты имеешь очки ночного видения. Свет фонарика, мелькающий в лесу, кто-то может заметить с шоссе. Единственное, что ты позволяешь себе, – топтать и ломать кусты, пинать ногами стволы деревьев. Несколько минут дикого буйства. Что это? Злоба? Радость? Выхлоп энергии, которая переполняет тебя сразу после убийства? Или приступ отчаяния оттого, что ты не можешь обуздать свою жажду и опять делаешь это? В который раз? Ты убивал и раньше. Ты переступил черту очень давно, много лет назад. Была самая первая жертва, девочка, твоя ровесница или моложе. С ней ты впервые осознал свою страшную, непоправимую мужскую ущербность. Наверное, она смеялась над тобой, и ты не выдержал. Никто тебя, хорошего мальчика, ни в чем не заподозрил, но ты пережил жуткий страх, ты целую бурю пережил один и никому не мог рассказать об этом. Потом ты учился, работал, внешне ты был спокоен, успешен. Но оставался совершенно одиноким человеком, таким одиноким, что создал свое второе «я». Ты существуешь в двух лицах, живешь двумя жизнями. Возможно, в своей внешней, дневной жизни ты очень смутно помнишь, что было ночью, и не отличаешь сна от яви. В той, другой реальности все перевернуто с ног на голову. Свет кажется тьмой, тьма – светом. Твой личный антимир. Там ты убиваешь и уверен, что делаешь благое дело. Здесь ты виртуозно заметаешь следы и продолжаешь жить как добропорядочный гражданин, уважаемый член общества.

– Филиппова, ты чего? – На лестничной площадке перед дверью отделения курила ее бывшая сокурсница Лида Пятакова. Полтора года назад именно она убедила Олю перейти на работу в эту клинику из Института судебной психиатрии.

Лида заведовала женским отделением, активно занималась частной практикой и прилично зарабатывала на этом. Она считала, что должность в клинике нужна только для статуса и не надо здесь особенно надрываться. Денег все равно не платят.

В юности она была полненькой тихой брюнеткой из Саратовской области, а сейчас превратилась в поджарую шумную блондинку, москвичку, владелицу двухкомнатной квартиры в центре. За двадцать лет сменила пять мужей, не родила ни одного ребенка, отлично выглядела и уверяла, что совершенно счастлива.

– Ну, с тобой все в порядке? – Она окинула Олю строгим оценивающим взглядом. – Ты какая-то пришибленная. Слушай, тут девочка после суицида, энергию тянет, ужас. Я не могу с ней разговаривать, у меня сейчас сопротивляемость на нуле. А ты нейтрал, тебе это не страшно.

Лида в последнее время слегка помешалась на биоэнергетической теории, делила людей на нейтралов, доноров и вампиров. Себя по какой-то сложной системе тестов причислила к донорам и, если больной казался ей вампиром, делала все возможное, чтобы передать его другому врачу. Олю она считала образцом нейтральности, поскольку более вампирского контингента, чем маньяки, не существует, и если за пять лет работы с ними доктор Филиппова не умерла, значит, она непробиваемая.

– Оля, ты меня слышишь? Ты девочку посмотришь или нет?

– Посмотрю, так и быть.

– Ты чудо, Филиппова! Ты ангел!

* * *

Валерия Качалова следователь Соловьев нашел в ресторане «Голливуд», где певец обедал со своим продюсером. Дима ничего не стал сообщать по телефону, просто представился и сказал, что нужно срочно встретиться.

В ресторане было пусто и уютно. Наигрывал старый джаз. Со стен улыбались звезды Голливуда. Пахло пряностями и жареным луком. Заняты были всего два столика. За одним обедали три строгие холеные дамы средних лет, за другим двое мужчин. Крупный, полный, с желтыми зализанными волосами и маленьким хвостиком на затылке, ел суп. Худой, сгорбленный, с жидкими длинными патлами до плеч, грыз жареного цыпленка. Соловьев не сразу узнал в этом втором, пожилом и жалком, знаменитого Валерия Качалова.

– Вы следователь? Откуда у вас номер моего мобильного? Ах, ну да, понятно. Что все-таки случилось? – спросил певец, едва Соловьев подошел к столу. Он так сипел, что было странно – как же он поет на сцене?

Толстяк забыл про суп, расплылся в улыбке, встал, отодвинул стул для Соловьева.

– Присаживайтесь. Что вам заказать? Меня зовут Михаил, я Валерин продюсер. А вы, если я правильно расслышал, Дмитрий. Можно без отчества? Тут, знаете, замечательные бифштексы с кровью. Очень рекомендую. Или, если вы предпочитаете рыбу, есть наша родная семужка. В меню, правда, они обозвали ее сальмон по-лос-анджелесски, но суть не меняется.

Продюсер болтал без передышки. У него был резкий противный фальцет.

– Заткнись, будь так любезен, – попросил певец, – дай человеку сказать, что случилось?

– Ничего, ничего не случилось, – мяукнул продюсер, – ты кушай, не волнуйся. Дмитрий, можно вас на минуточку?

Толстяк взял Соловьева под руку, повел в другой конец зала.

– Умоляю, не говорите ему сейчас. У него через три часа концерт, это чудовищно важно. Пусть он отработает, а потом уж вы сообщите. Все равно ничего не изменится, Женечку не вернешь, пусть земля ей, как говорится. Бедная девочка, бедная ее мать. Не помню, как зовут. Нелли, кажется. Их у него столько было... Боже, какое горе, какое чудовищное горе. И какое счастье, что она не единственный его ребенок. Тут, слава тебе господи, Валерик постарался, наплодил дармоедов от разных баб. – Продюсер шептал в самое ухо, тяжело, влажно дышал, пока говорил, пару раз быстро мелко перекрестился. Соловьев заметил у него на руке перстень с печаткой и цветную наколку, изящного морского конька.

– Погодите, откуда вы знаете? – спросил Дмитрий Владимирович, слегка отстраняясь.

– Я? Откуда знаю? – Он нахмурился. – Честно говоря, уже забыл. Сама по себе новость так чудовищна... Ах, ну да, звонила какая-то женщина Валере на мобильный. Он был в ванной, я подошел. Она мне сказала. Кажется, она подруга матери Жени или что-то в этом роде. Ну, так мы договорились?

– О чем?

– О том, что вы ему пока ничего не скажете. Если концерт сорвется, это катастрофа, мы попадем на дикие бабки. А сейчас вы с нами покушаете спокойно, я угощаю. Поговорите с ним о драке на последнем концерте. Вы наверняка слышали, чудовищная была драка в Химках, кого-то даже убили. Валера там выступал. Он свидетель. Ну, договорились? Умоляю вас, хотите, на колени встану?

Продюсер схватил его за правую кисть. Соловьев почувствовал быструю возню влажных пальцев, успел отдернуть руку. По полу рассыпалось несколько мятых купюр по сто долларов.

– Сейчас же поднимите и прекратите истерику, – сказал Соловьев.

Продюсер тихо, зло выругался. Дима вернулся к столу, оставив толстяка собирать бумажки, пыхтеть и шепотом материться.

Певец успел догрызть цыпленка и молча курил. Соловьев сел с ним рядом.

– Вы, наверное, насчет того побоища в Химках? А Мишка небось умолял, чтобы меня не трогали сегодня до концерта? Не обращайтесь на него внимания, он псих, – произнес певец, продолжая смотреть в одну точку.

– Валерий Иванович, когда вы в последний раз видели вашу дочь Женю?

– Женю? – Качалов загасил сигарету и резко развернулся к Соловьеву. – С ней что-то случилось?

– Случилось. Ее нашли сегодня ночью в лесу, у Пятницкого шоссе, в двадцати километрах от МКАД. Я знаю, в такой ситуации слова ничего не значат, но все-таки, примите мои соболезнования.

– То есть как – нашли? – Певец нервно помотал головой. – Какие, на хрен, соболезнования?! Что вы несете?

– Валерий Иванович, ее убили, – произнес Соловьев, глядя в красные от бессонницы, гневно выпученные, почти безумные глаза певца.

– Кого? Женю? Убили? Нашли? Кто нашел? Когда? Почему? – Он схватил салфетку, тут же бросил ее, дернулся, задел бутылку вина. Падая, бутылка толкнула высокий бокал с томатным соком. Прибежал официант, вместе с ним подоспел сопящий потный продюсер.

– Миша! – крикнул певец. – Миша, он говорит, что убили мою Женьку!

Толстяк плюхнулся на стул, покосился на Соловьева и хрипло пробормотал:

– Я просил его подождать. Ты должен сегодня отработать концерт.

Официант поспешно промокнул красные и рыжие пятна на скатерти и убежал. Соловьев закурил и обратился к певцу:

– Валерий Иванович, мне необходимо задать вам несколько вопросов. Это срочно. У вас шок. Но мы должны поймать убийцу. Каждый час дорог. Пожалуйста, ответьте мне, когда вы видели Женю в последний раз?

– Нет, подождите, вы точно знаете, что нашли именно мою Женьку? Может, ошибка? – пробормотал Качалов.

Он сразу сник, кровь отхлынула от лица. Он стал таким белым, что Соловьев испугался: сейчас потеряет сознание.

– Ее опознала мать, Нина Сергеевна. Она сказала, что накануне Женя была у вас. В котором часу она от вас уехала?

– Как у меня? В последний раз мы виделись в ее день рождения, неделю назад. Мы ездили за город, в ресторан, я подарил ей кулон с сапфиром. Ей давно хотелось украшение с настоящим камушком. – Он закрыл лицо ладонями. Плечи его мелко затряслись. Соловьев услышал глухие, страшные всхлипы.

– Ну я же предупреждал, елки! – процедил сквозь зубы продюсер. – Что вы наделали? Зачем сказали? Это чудовищно. Видите, что с ним? Все из-за вас!

У продюсера зазвонил мобильный. Он встал, грохнув стулом, отошел с трубкой. До Соловьева донесся тихий нервный мат. Суть монолога сводилась к тому, что концерт может вообще сорваться, трам-пам-пам, и тогда наступит чудовищный трам-пам-пам, практически конец света.

Певец отнял руки от лица. Дима налил ему воды, протянул бокал. Качалов выпил залпом, закурил, пару раз затянулся и тут же раскрошил сигарету в пепельнице. Слезы лились из его глаз. Он вытерся ресторанной салфеткой.

– Ладно. Будем считать, я в порядке. Во всяком случае, говорить могу. Я понимаю, вам надо работать. Вы, конечно, ни хрена не найдете, но хотя бы попробуйте. Лицо у вас вроде нормальное, человеческое. Извините. Но только говорить будем не здесь. Пойдемте ко мне домой. Я живу рядом, десять минут пешком.

Явился официант, спросил, подавать ли кофе и десерт.

– Нет, спасибо, – сказал Качалов и кивнул в сторону продюсера: – Он расплатится.

Толстяк, заметив, что они уходят, пробормотал в трубку: «Все, давай, перезвоню!» – и рванул за ними.

– Куда ты, тварь, мать твою! Подумай о своих других детях, кто будет их кормить, если тебя замочат? А тебя замочат, зуб даю, если ты кинешь таких серьезных людей, тебя точно замочат!

Хорошо, что в ресторане было мало народу. Только официанты и три солидные дамы. Все головы повернулись к ним, все глаза вспыхнули. Продюсер орал, как базарная баба, слюна летела изо рта. Певца била дрожь. Он никак не мог попасть в рукава плаща, который держал гардеробщик.

* * *

Девочку звали Соня. Ее привезли из Института Склифосовского. Она сидела на краешке стула и смотрела в пол. Вытравленные невымытые волосы падали на глаза. Восемнадцать лет, толстенная, маленькая. В ноздре дырка от сережки. На бледной коже красные пятна, старые шрамы, свежие незажившие корочки, следы жестокой борьбы с прыщами, свидетельства одиночества, депрессии и ненависти к себе. А в общем, нормальная девочка. Не наркоманка, не истеричка. Если ей похудеть немного, оставить в покое лицо и волосы, у нее будет все в порядке. Правда, для этого ей нужна помощь. Не медицинская, а материнская. Она ведь еще ребенок, детство затянулось, в нем было слишком мало любви. Она до сих пор не может одолеть стресс взросления, подсознательно боится взрослого мира, поскольку нет у нее тыла, счастливого детства.

Сестры в реанимации называют таких девочек «саморезками» и терпеть их не могут. Зашивать вены – работа нудная и кропотливая. Соня сама вызвала «скорую», испугалась, что правда умрет. Она хотела вовсе не этого. Она хотела внимания, причем не только молодого человека, который ей так сильно нравился, но и своих родителей. Она умоляла не сообщать в институт и не желала, чтобы к ней пускали маму.

– Почему? – спросила Оля.

– Она будет меня ругать, – шепотом ответила девочка и вжала голову в плечи.

Мама, совсем еще молодая, холеная, подтянутая, сидела в коридоре и повторяла:

– За что? За что она меня так?

Несмотря на стресс, мама все-таки не забыла подкрасить глаза и губы, припудрить лицо, побрызгаться туалетной водой.

– Не вас, а себя, – сказала Оля, присев рядом.

– Что?

– Соня резала не вас, а себя.

Мама разразилась монологом о том, какая она хорошая, самоотверженная мать, как всю жизнь она вложила в девочку, а та не ценит и готова лишиться жизни из-за какого-то мальчишки.

– Она совершенно другая, не такая, как была я в этом возрасте. Она живет только страстями, сиюминутными желаниями. Страдает из-за лишнего веса, голодает днем, а ночью атакует холодильник. У нее не работают сдерживающие центры. Она не может пересилить себя. Я бьюсь, как рыба об лед, вкальваю сутками, чтобы девочка ни в чем не нуждалась. Сколько стоит так называемое бесплатное высшее образование? А приличная одежда, поездки за границу? С двенадцати лет, каждый год, она ездит в Англию, но все не может говорить по-английски. Нет, это не комплексы, это лень и разгильдяйство. Какой-нибудь прыщ на лице ее волнует больше, чем ее собственное будущее. Она инопланетянка, я не понимаю свою дочь, – твердила мама, комкая в труху бумажный платок.

– Вы и не пытаетесь ее понять. Вы только говорите: я хорошая, она плохая! Вы требуете, чтобы она была вашей копией. Но она ведь не клон, верно? Она ваш ребенок, совершенно отдельная личность. В детстве она пыталась заслужить вашу любовь. Она чувствовала, что вы

хотите видеть в ней повторение себя. И старалась во всем вам подражать, при этом беспощадно ломала собственное «я». В итоге там внутри колючие, болезненные обломки. Она не инопланетянка. Вы говорите на одном языке, но ваше общение больше похоже на монолог. Пусть оно станет диалогом. Не давите на девочку, попробуйте послушать ее и понять. Лишний раз погладить по голове, поцеловать, сказать что-нибудь ласковое – разве это так сложно? Соне просто не хватает любви.

«А кому ее хватает? – думала Оля, пока бежала по лестнице. – Вроде бы я помирила этих двоих. Барьер взаимных нервических претензий не разрушился, но треснул. Я взяла на себя ответственность, выписала Соню домой. Все, что с ней произошло, останется тайной. В медицинской карте написано, что у нее тяжелое пищевое отравление. Хотя что-то хорошее я сделала сегодня. Я больше не буду думать о Молохе. Не хочу, не могу. Когда я о нем думаю, я опять погружаюсь в какой-то душный мрак, в вечную ночь, я как будто умираю вместе с каждой его жертвой. Сколько их было? Не верю, что всего четыре. Десять, как минимум. Остались нераскрытые дела, возможно, кого-то осудили и даже расстреляли вместо него или кто-то покончил с собой в камере, до суда, как, например, Анатолий Пьяных, давыдовский душитель».

Это был первый серийный убийца, которого увидела Оля, когда начала работать в Институте судебной психиатрии. Анатолий Пьяных проходил экспертизу в 1986-м. Действовал в Подмоскovie, в городке Давыдове, с 1983 по 1986 год. На его счету было пять трупов. Дети от семи до шестнадцати, четыре девочки и один мальчик, воспитанники интерната для слепых и слабовидящих сирот.

Два года назад Оля вспомнила о Пьяных в связи с делом Молоха. Почерк давыдовского душителя был чем-то похож на почерк Молоха. Удушение руками, гематомы на затылке. У каждого ребенка срезана прядь волос.

Убийца оглушал, раздевал, душил. Срезал пряди. Маслом, правда, не поливал, в озере топил. Сначала была вода. Потом – масло.

– Не выдумывай! – говорил Гущенко. – Это чушь собачья! В деле давыдовского душителя все ясно.

Да, там правда все было ясно. Неопровержимые улики. Признание. Самоубийство в камере, до суда. Вернее, убийство. Посадить Пьяных в общую камеру было все равно, что убить его. А что, если суд, разобравшись в нагромождении улик, признал бы их недостаточными для доказательства виновности? Но суда не было. И все материалы по делу исчезли из архивов.

В кармане халата зевверещал мобильный.

– Ольга Юрьевна, добрый день. Миша Осипов беспокоит. Помните меня? Программа «Тайна следствия».

Оля остановилась у скамейки, как будто ее окатили ледяной водой. «Вот оно. Началось!» – пискнул у нее в голове испуганный голосок.

В больничном сквере было тихо и пусто. Ветер успокоился. Черные низкие тучи посветлели, но не растаяли, затянули небо однотонной белесой хмарью. Колючая крупа превратилась в дождь, унылый, мелкий, но почти весенний. Никто не мог видеть, как доктор Филиппова краснеет, бледнеет, топчется в холодной луже, не щадя новых белых сапожек.

* * *

Валерий Качалов вместе с молодой женой Мариной и четырехмесячным сыном Никитой занимал верхний этаж небольшого семиэтажного дома в уютном переулке неподалеку от Новослободской. Бело-розовая новостройка с башенками и стеклянным куполом на крыше была окружена высоким чугунным забором.

По дороге певец успел помириться со своим продюсером, прислушался к доводам толстяка, что работа – лучший способ отвлечься от черных мыслей.

– Ну что ты будешь делать сегодня вечером? Рыдать? Рвать остатки волос? Посыпать голову пеплом из камина? Да, чудовишно, кошмарно, однако жить дальше как-то надо.

– Ладно, успокойся, я отработаю этот концерт.

– Умница, молодец! – Продюсер на ходу обнял певца и поцеловал в щеку. – Мне с таким трудом удалось организовать этот сольник! Знаете, что такое сольник в закрытом клубе? – обратился он к Соловьеву.

– Догадываюсь, – вежливо кивнул Дима.

– Ой, да брось ты, Мишка, – поморщился певец, – сольник! День рождения алмазного магната из Якутска. Магнат хочет, чтобы весь вечер звучали песни его юности.

– Ну так он и платит за это столько, сколько нам с тобой давно не снилось. И тусовка там соберется самая крутая.

Втроем они вошли в калитку.

– Она больше никогда не придет, – пробормотал певец. – Слушайте, вы полностью исключаете ошибку? Вдруг это другая девочка, просто похожа на Женю? Ну ведь бывает, правда?

– Бывает, – кивнул Соловьев, – но я же вам сказал, ее опознала мать.

– Нина? Она плохо видит! Она носит контактные линзы и без них совершенно слепая! Нет. Я должен сам посмотреть, – он остановился у подъезда, – пока не увижу собственными глазами, не поверю.

– Что ты несешь? – испугался продюсер, открыл дверь и подтолкнул Качалова внутрь. – Зачем тебе смотреть на труп перед концертом? Ты же потеряешь форму, не сможешь петь! Учти, там никакая «фанера» не пройдет, они заранее оговорили это. Магнат платит только за живую музыку.

Качалов ничего не ответил. Кажется, он больше не мог говорить. Он сильно дрожал, у него стучали зубы, как будто температура поднялась до сорока. Пока ехали в лифте, он смотрел в зеркало на себя, как на незнакомого человека. В глазах стояли слезы.

– Она самая талантливая, самая красивая из всех моих детей, – глухо произнес певец, сделав несколько судорожных глотательных движений и немного уняв дрожь усилием воли. – Я всегда хотел, чтобы Женя жила со мной. С ней единственной я мог работать. Вы наверняка видели клип, его постоянно крутят по телевизору. Так вот, она сама все придумала. Представляете? Такая маленькая, и все сама придумала.

В квартире орала музыка, тяжелые раскаты рока, от которых сразу что-то неприятно задергалось в животе. После музыкального проигрыша мужской голос прорычал: «Твое нежное сердце... а-а-ох... твоя гладкая печень... а-ах-х».

В полутемной прихожей возникла женская фигура, тонкая, длинная, в коротком халате. Волосы замотаны чалмой из полотенца, лицо покрыто какой-то зеленоватой зернистой массой.

– Ой! – Девушка отпрянула, убежала.

После вздохов и сопения, усиленных стереосистемой так, что казалось, здесь рядом дышит гигантское чудовище, опять вдарил рок.

– Выключи! – заорал Качалов. – Маринка, мать твою, ты слышишь, выруби его!

Нервно, громко матерясь, он кинулся в комнату, и через минуту стало тихо.

– Она постоянно слушает Вазелина, – объяснил толстяк Соловьеву.

– Кого?

– Вы что, правда Вазелина не знаете? – Продюсер зажег свет в прихожей и удивленно взглянул на Диму.

– Кажется, это певец?

– Да, если так можно выразиться. Певец. Пойдемте в гостиную.

По гулкой металлической лестнице они поднялись наверх и оказались в огромной комнате с полукруглым стеклянным куполом вместо потолка. Бильярд, музыкальная аппаратура, камин, рояль ядовито-розового цвета. Продюсер плюхнулся на диван, скинул ботинки. Зазвонил его мобильный. Потом сразу еще один телефон, вероятно городской. Соловьев услышал, как женский голос внизу закричал:

– Нет! Он сейчас не может говорить! У него дочь убили! Что? Ты откуда звонишь? Ни фиги не слышу! Же-ню! Я сказала, Женю! Все, давай!

Звякнула трубка. Легко застучали шаги по лестнице. В гостиную вошла Марина. Лицо она успела умыть, чалму сняла, но осталась все в том же коротком халатике и босиком. Длинные светлые волосы были еще влажными. Она откинула их красивым жестом, уселась на диван, закурила. Она была поразительно похожа на Нину, но моложе лет на десять. Новенькая Барби, в которую только начали играть, бело-розовая, еще не потрепанная.

– Ужас какой, – сказала она, глядя на Соловьева ясными голубыми глазами. – Меня Марина зовут. А вас?

Соловьев представился. Она кивнула и выпустила дым из ноздрей.

– Вы извините, Валера сейчас поднимется.

– Что с ним? – тревожно спросил продюсер.

– Блюет в сортире, – произнесла она чуть слышно и добавила громче, обращаясь уже к Соловьеву: – У него это обычная реакция на стресс. А скажите, пока его нет, как ее убили? Кто?

– Задушили, – Соловьев принужденно кашлянул, – причина смерти – удушение руками. Кто – мы пока не знаем. Когда вы видели Женю в последний раз?

– Задушили? И что, изнасиловали, наверное? Неужели маньяк? Ужас какой! А, вы спросили, когда я видела Женю в последний раз? Дайте вспомнить. – Она нахмурила тонкие высокие брови, поправила волосы, загасила сигарету и тут же закурила следующую.

– Ты видела Женю около двух недель назад на концерте Вазелина в «Нон-стопе», – сказал продюсер, – помнишь, ты рассказывала, она была там с каким-то старикашкой?

Легкая тень пробежала по красивому свежему лицу, уголки губ дернулись, веки затрепетали. То ли Марина вдруг занервничала, испугалась чего-то, то ли просто пыталась сдержать слезы. Тряхнув головой, она мгновенно справилась с собой и заговорила спокойно:

– Ах да! Итальянец. Лет шестьдесят, наверное. Но Валере ни слова, – она прижала палец к губам, – я ей обещала, что не скажу ему.

– Про итальянца? – спросил Соловьев.

– Да нет же! Итальянец как раз нормальный, очень даже симпатичный. Профессор, историк, древним Римом занимается. Говорить нельзя про «Нон-стоп» и про Вазелина. Валерка не разрешает ей шляться по ночным клубам, а с Вазелином они друг друга ненавидят.

– Какие отношения были у нее с этим профессором?

Марина высморкалась в бумажный платок. Кончик носа слегка покраснел. Но глаза ее оставались сухими, ясными. Никаких слез.

– Ну-у, спросите что-нибудь полегче. Я их видела вместе всего один раз, минут десять, не больше. К тому же ночной клуб, полумрак, музыка грохочет. Он по-русски совсем не говорит, только по-английски. Зовут Николо, фамилию не назвал. Мы потом с Женей встретились в туалете, она сказала, он отец какой-то ее подружки, итальянки, с которой она познакомилась прошлым летом, когда ездила в Англию. И попросила не говорить Валере, что я ее видела в «Нон-стопе».

Внизу хлопнула дверь, послышался детский плач. Марина вскочила и бросилась к лестнице.

– Мое солнышко вернулось! А что мы плачем? Ой ты мой сладенький, ну хватит сердиться, иди к мамочке, сейчас будем кушать. Верка, да он же мокрый насквозь, блин!

Высокий женский голос заверещал в ответ что-то невнятное. Плач затих. Опять зазвонил городской телефон. В гостиной появился певец. Бледный, с черными кругами под глазами, пошатываясь, он доплелся до дивана, тяжело рухнул, закрыл глаза. Продюсер бросился к нему.

– Валера, что? Чем помочь? Вот, попей водички. Или, может, крепкого кофе?

– Я в порядке. – Он взял стакан и еле донес его до рта, расплескал половину, так сильно тряслись руки. Глотнул воды, посмотрел на Соловьева и произнес отчетливо, как автомат: – Извините, что заставил ждать. Я готов отвечать на любые ваши вопросы.

– Вы давали Жене деньги?

– Конечно. Она же моя дочь. А почему вы спрашиваете?

– При обыске в квартире, в нескольких тайниках, мы нашли сумму в двадцать тысяч евро.

– Хо-хо, а ты огорчился. – Продюсер присвистнул.

– Двадцать тысяч евро? – Качалов нахмурился. – А при чем здесь Женя?

– Мы нашли их у нее. В плюшевом медведе, за рамкой вашей фотографии, под стельками роликов, в штанах старой куклы.

– Вот зараза!

Это был голос Марины. Она успела неслышно подняться в гостиную и стояла у лестницы, прислонившись к стене.

– Что?! – закричал певец. – Что ты там бормочешь, блин?! Как ты смеешь, о моей дочери?!

– Успокойся, пожалуйста, я, конечно, не о Женечке. Нинка твоя зараза, все прикидывалась бедной сироткой.

– Вы считаете, что это деньги Нины? – спросил Соловьев.

– Ну а чьи? – Качалов нервно хохотнул и дернул себя за нос. – Вы же взрослый, разумный человек. Откуда у ребенка, которому только исполнилось пятнадцать, такие суммы? Конечно, я давал ей, иногда сто, иногда двести долларов в месяц. За клип она заработала полторы тысячи баксов. Слушайте, неужели Нина сказала, что это деньги Жени?

– Нет, – вздохнул Соловьев, – Нина сказала, что это ее деньги.

– Хоть на это совести хватило, – проворчала Марина.

– Вы знали, что Женя была беременна? – спросил Соловьев.

В гостиной повисла тяжелая пауза. Качалов несколько секунд смотрел на него бессмысленно и вдруг тихо засмеялся.

– Ну вот, все разъяснилось. – Он взял стакан, допил воду. Руки у него уже не дрожали. – Я сразу понял, тут какая-то ошибка. Другая девочка. Конечно, грех радоваться, горе ужасное, но не мое. Не мое! Женьке неделю назад исполнилось пятнадцать. Но по физическому развитию она пока на уровне одиннадцати-двенадцати лет. Она инфантильна, понимаете? Она даже не подросток. Ребенок. Как ребенок может забеременеть? Как?

Глава девятая

Пока ловили Молоха, Оля дважды выступала в еженедельной телевизионной программе «Тайна следствия». При помощи программы пытались установить личности убитых детей. И оба раза доктор Филиппова обращалась с экрана к преступнику. Кирилл Петрович Гущенко верил в этот метод, но сам сниматься не любил. К тому же считал, что в случае с Молохом будет лучше, если с ним с экрана побеседует женщина.

– Да, Миша. Я вас помню, – сказала Оля ведущему и подняла ворот телогрейки.

– Спасибо. Это приятно. Вы не могли бы сегодня приехать к нам на съемку? Мы делаем передачу по поводу убийства Жени Качаловой. Нужен ваш комментарий.

– Жени Качаловой? Погодите, Миша, я не...

Он не дал ей ничего сказать, тараторил в трубку быстро и нервно:

– Ольга Юрьевна, умоляю, не отказывайтесь! Эфир завтра вечером, мы уже пустили анонс, мы придем за вами машину, куда скажете, если не можете в восемь, передвинем съемку на любое удобное для вас время, хоть на двенадцать ночи.

– Миша, я не имею отношения к расследованию этого убийства.

– Я знаю. Именно поэтому мы к вам и обратились. У вас развязаны руки. Вы выступите как независимый эксперт.

– Но я не владею информацией. Видите, даже имя жертвы я впервые услышала от вас. Вы сказали, ее зовут Женя Качалова?

– Да. Ей недавно исполнилось пятнадцать лет. Она дочь популярного эстрадного певца Валерия Качалова. Я расскажу вам все, что нам известно из наших источников, а вы прокомментируете.

– Миша, послушайте, я сейчас занимаюсь совершенно другими вещами. Пригласите кого-нибудь из пресс-центра ГУВД.

– Пресс-центру дано указание молчать. Они только сказали, что не считают это убийство продолжением серии Молоха, хотя там все очень похоже: лесополоса у шоссе, труп раздет, облит детским косметическим маслом. Правда, на этот раз им удалось сразу установить личность убитой.

– Каким образом?

– Неподалеку валялся мобильный телефон девочки.

– Вы говорили с кем-нибудь из следственной группы?

– Очень мало. Они отказываются отвечать на наши вопросы. Следователь Соловьев вообще меня послал.

– Кириллу Петровичу звонили?

– Зачем? Гущенко так же, как вы, в расследовании не участвует, информацией не владеет. Но в отличие от вас, он боится камеры. Он ведь ни разу не дал согласие выступить в нашей передаче. И честно говоря, мы никогда не настаивали. Он, конечно, гениальный специалист, но человек трудный, замкнутый, совсем не обаятельный.

– Кто? Кирилл Петрович не обаятельный? Ну, Миша, вы даете! – Оля нервно рассмеялась. – У вас, телевизионщиков, какой-то извращенный взгляд на людей, честное слово. Гущенко в миллион раз обаятельней меня. Он мировая величина, а я кто?

– Ольга Юрьевна, пожалуйста!

Наверное, если бы сейчас Миша был здесь, он бы плюхнулся на колени, прямо в лужу.

– Миша, я не могу. Просто не имею права. Ну что я полезу со своим дурацким мнением, когда совершенно ничего не знаю?

У Оли сердце колотилось все быстрее. Она так разволновалась, что присела на край мокрой скамейки. Ведущий продолжал возбужденно говорить.

– Перестаньте кокетничать. Это ваш Молох, Ольга Юрьевна! Вы все равно будете думать, анализировать, вы не можете вот так спокойно остановиться на полпути. Мы дадим вам информацию, будем работать вместе. Мы хотим провести независимое журналистское расследование. ГУВД и прокуратура, как всегда, отрицают серию. Ольга Юрьевна, я читал профиль Молоха, который вы составили полтора года назад, и честно вам скажу, только такие кретины, как наши чиновники из прокуратуры, могли отнестись к этому несерьезно. Вы же практически вычислили его.

– Подождите, Миша, каким образом к вам попал профиль?

– Не важно. У нас есть свои источники.

– Так, может, вам стоит обратиться за комментарием к ним, к этим источникам?

– Ольга Юрьевна, перестаньте! Наши информаторы не могут светиться на экране. А вы просто обязаны выступить.

– Я должна подумать.

– Нет времени думать! Я знаю, вы сейчас начнете звонить Соловьеву, Гущенко, советовать с ними. Но вы взрослый человек, профессионал. У вас перед ними нет никаких обязательств. Но у вас есть обязательства перед следующей возможной жертвой Молоха. Вам не приходило в голову, что перерыв в полтора года был связан именно с вашим обращением к убийце? Он почувствовал, что вы слишком много о нем поняли, и испугался.

– Нет. Это невозможно. Так не бывает.

– Разве? – Ведущий нервно засмеялся. – А как же история с калининградским моралистом, который убивал проституток? Гущенко обратился к нему с экрана областного телевидения, и он практически признался в убийствах, в прямом эфире. Помните?

– Конечно, помню. Но в случае с Молохом такой вариант исключен. К тому же я – не Гущенко.

– В котором часу и куда прислать машину?

– В девять.

– Домой или в клинику?

– В клинику. Я сейчас работаю...

– Мы знаем, где вы работаете. Ровно в девять машина будет вас ждать у будки охраны.

«Ну вот и все, – Оля глубоко вздохнула и убрала телефон в карман, – теперь я в игре».

Телевизионщики умеют уговаривать. Но дело вовсе не в этом. Оля уже поняла, что не успокоится, пока не будет пойман Молох. Ее выступление – первый ход. Второй – Карусельщик. Передача выходит раз в неделю. В следующей программе можно будет показать его. Третий – Давыдово. Она давно хотела съездить туда. Но не решалась. Никто, кроме нее, не видел сходства между Молохом и давыдовским душителем. Ей надоело слышать, что она фантазирует, слишком доверяет своей интуиции и нескромно преувеличивает свои аналитические возможности. В группе Гущенко было принято отчитываться за каждый свой шаг, все идеи и версии обсуждались коллективно. Она не могла отправиться в маленький подмосковный город по-тихому, не посоветовавшись с Кириллом Петровичем. А он считал ее идею о сходстве почерков и о том, что убийца слепых сирот вовсе не Пьяных, полнейшим бредом.

Телефон опять зазвонил, когда Оля поднималась по лестнице в свое отделение.

– Что у тебя с голосом? – спросила мама.

– Все нормально.

– Не ври. Я слышу, ты сипишь. Надеюсь, ты не ходишь в такой холод с непокрытой головой?

– Нет, мамочка. Я хожу в шапке.

– То есть ты хочешь сказать, что не простужена?

– Нет, конечно.

– Значит, ты устала и не выспалась. Да, кстати, я видела сегодня утром по телевизору твоего Соловьева. Он стал совсем седой. Надеюсь, ты не собираешься подключаться?

– К чему, мамочка?

– Не придуривайся. Ты прекрасно меня поняла. Оля, не вздумай! Ты слышишь?

«Вот так, – усмехнулась про себя доктор Филиппова, – даже моей маме ясно, что девочку убил Молох, даже ей. Впрочем, моей маме всегда все ясно».

– Мама, ты же не смотришь криминальные новости.

– Утром телевизор работал, мы с папой завтракали, ждали прогноза погоды и случайно попали на криминальные новости.

– Здравствуй, дочь! – торжественно вступил папа через параллельную трубку. – Мама совершенно права. Ты больше не должна заниматься этим ужасом. Ты ушла из института и хватит с тебя, пусть Гущенко охотится за маньяками, это его работа, но не твоя. Ты девочка нежная и чувствительная, у тебя семья, подумай о нас, о Катеньке с Андрюшей, ты просто не имеешь права, дочь! Слышишь меня? – Папа по телефону старался быть грозным, фоном звучал мамин шепот: «Скажи ей, скажи!»

– Не понимаю, что вы оба на меня набросились? – перебила Оля. – Пока меня никто не приглашал участвовать в расследовании.

– Что, и Соловьев не звонил? – удивленно спросил папа.

– Нет.

– Странно. А кстати, скажи, он так и не женился? – поинтересовалась мама нарочито равнодушным голосом.

– Не знаю.

Разговор с родителями согрел ее и развеселил. Ей нравилось, что мама и папа в старости не расстаются ни на минуту, живут как сиамские близнецы. В детстве и юности она ужасно боялась, что они разведутся.

Мама была красавица, папа наоборот. В результате получилась Оля, нечто среднее. Нечто, выбирающее путь по натянутому канату, когда можно спокойно пройти по ровной твердой поверхности. Доброжелательные люди уверяли, что она похожа на маму. Недоброжелательные – что вылитый папа.

От мамы ей достались волосы, жесткие и прямые, не совсем рыжие, скорее цвета гречишного меда, от папы – белая, чувствительная к солнцу кожа, высокий выпуклый лоб, маленький круглый подбородок. Глаза получились мамины только по форме, большие, длинные. Тяжелые верхние и нижние веки делали взгляд слегка сонным и надменным. Но цвет глаз не голубой, как у мамы, а папин, то есть какой-то неопределенный. Вокруг зрачка радужка была светлой, золотисто-зеленой, а по краю черной, как сам зрачок. Брови, к сожалению, достались папины, белесые и бесформенные. Их приходилось подкрашивать и выравнивать пинцетом. Зато фигура мамина, легкая, ладная, с тонкой талией. Отдельное спасибо мамочке за осанку. Тут уже сработали не гены, а постоянные хлопки по спине и окрики: «Оля, не сутулься!»

Каждое утро мама целовала отца в лысину и повторяла: я тебя люблю. Папина лысина росла, пока не заняла всю голову. Ни одного волоска не осталось. Папа говорил, что его оазис превратился в пустыню. Он постоянно шутил, а мама смеялась. Смех звучал заливисто и звонко, как у задорных положительных героинь в сталинском кино. От этих ритуальных переливов Оля вздрагивала, как будто ее било током.

На самом деле мама много лет любила другого человека, они работали вместе. Он хирург, она анестезиолог. С ним у мамы была страсть, настоящая женская жизнь, а с папой – ответственность, чувство долга, подсознательный страх одиночества. Бодрый первомайский парад с улыбками и транспарантами, на которых написано: «Да здравствует крепкая семья!», «Слава верным любящим женам!», «Долг превыше всего!».

Хирург имел жену, двоих детей, уходить из семьи не собирался. К тому же роман крутил не только с Олиной мамой, но еще с разными другими женщинами, врачами и сестрами. Что-то вроде гарема из сослуживцев женского пола. Гениальный был хирург, но человек гадкий. Его, гадкого, мама любила, а папу, хорошего, – нет.

Оля, когда училась в институте, проходила практику в клинике, где работала мама. Там ей все рассказала по секрету одна из операционных сестер. Оля не поверила, думала, сплетни.

Хирург умер три года назад. Мама страшно плакала и сразу как-то вся сникла, постарела. Папа не сомневался, что она плачет по коллеге, с которым столько лет проработала бок о бок у операционного стола, и очень ей сочувствовал, вместе с ней отправился на похороны, на поминки.

Папа был неумный, нудный, но добрый и порядочный человек. Категорический оптимист и однолюб. Работал инженером в НИИ медицинского оборудования. Вел здоровый образ жизни, никогда не пил и не курил. Кеды, лыжи, песни у костра под гитару. Маму обожал. Видел и слышал только ее. Он всю жизнь продолжал шутить и не замечал, что никто, кроме мамы, никогда не смеется его шуткам.

Сейчас они идеальная пара, два старика, которые существуют как единый организм. Когда у мамы болят ноги, папа прихрамывает, когда у папы поднимается давление, у мамы стучит в висках. Что там за страсти кипели, кто кому врал, уже не имеет значения.

Оле в ее двадцать лет не стоило так буквально понимать мамины слова, принимать их за истину в последней инстанции и строить свою собственную жизнь по бессмысленной ханжеской формуле «долг превыше всего». Теперь винить остается только себя. Мама не принуждала ее балансировать на канате, совсем наоборот, звала спуститься на ровную твердую землю.

* * *

Это был какой-то особенный, inferнальный страх. Маленький призрак не то чтобы являлся Борису Александровичу, он просто не исчезал, он был соткан из сердечной боли и мертвого воздуха, который застревает в горле при астматическом приступе.

Старый учитель бродил по квартире, пил холодную воду из чайника. Пробовал читать, но строчки плыли перед глазами.

Ну были же на его учительском веку тяжелые и даже страшные дети. Воры, наркоманы, проститутки, доносчики, наглые ледяные подлецы. Он справлялся. Он декламировал про себя Пушкина и Тютчева. Он искал помощи у Толстого и Достоевского. Что же теперь?

Вы обознались, понятно? И не лезьте ко мне никогда! Старый педофил!

Борис Александрович включил компьютер, чтобы опять найти рекламу детского порно. Зашел на сайт Молоха, но кроме рассказов, там ничего не было. Шарил мышью по разным значкам, нажимал кнопки. Ничего. В первый раз он наткнулся на кадры из фильмов в результате какой-то случайной комбинации. Повторить не удавалось.

Теперь он почти не сомневался, что ошибся, и нелепо, страшно виноват перед Женей Качаловой. Он виноват, а она права в своей злой агрессии. Как же такое могло произойти с ним, опытным педагогом, знатоком детской психологии?

Перед рассветом сквозь слои тяжелого химического сна просочилось прозрачное детское лицо в обрамлении каштановых косичек. Блестели зубы и глаза, тихий смех отдавался эхом во мраке. Маленький призрак смеялся над старым учителем.

Звонок будильника в семь часов был очевидным спасением. Борис Александрович уцепился за этот живой резкий звук и по нему, как по канату, стал карабкаться вверх, к реальности ледяного темного утра.

В комнате было холодно. Он спал при открытом окне. Обычно холод бодрил, но на этот раз напугал, показался могильным. С фотографии на письменном столе улыбались маленькие внучки. Свет лампы отражался в стекле, и между лицами двух девочек возникло третье. Борис Александрович погасил лампу, повернул фотографию к стене, отправился в душ. Пока он мылся, брился, пил чай, маленький призрак не оставлял его.

– Разве я в чем-то виноват? – прошептал Борис Александрович, обращаясь к рисунку на фарфоровой сахарнице.

Ангелоподобная немецкая девочка в розовом платье бежала по дорожке между розовыми кустами. Длинные каштановые локоны развевались на ветру. Обычно голова девочки была повернута чуть влево и вверх. Девочка смотрела на птичку, присевшую на куст. Сейчас она забыла о птичке, повернула лицо к Борису Александровичу и смеялась. Он отчетливо услышал тонкий серебряный звук, но вовремя сообразил, что это всего лишь ложка упала на пол.

Сахарница была от старинного саксонского сервиза. Сохранилось еще три чашки с блюдами и молочник. На каждом предмете все та же девочка, прелестная Гретхен лет двенадцати.

Осенью, когда ничего еще не произошло, он заметил, что сервизная Гретхен похожа на Женю Качалову. Девочка приходила к нему домой несколько раз на дополнительные занятия по русскому языку, вместе с другими детьми. Обычная девочка. Разве что слишком маленькая и худенькая для своего возраста и очень хорошенькая, как рождественский ангелок со старинной открытки. Даже дурацкие косички-дреды не портили ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.